ПРОФЕССОРЪ А. ГУСЕВЪ.

ЛЮБОВЬ КЪ ЛЮДЯМЪ

ВЪ УЧЕНІИ ГРАФА Л. ТОЛСТАГО

И

ЕГО РУКОВОДИТЕЛЕЙ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1892.

Пров 1955
Пр.

PV
5090
Г2 С
1891

Оттискъ изъ журнала: Православный Собесѣдникъ
за 1891-й годъ.

Библиотека
Социалистической
Академии
3776
24

Содержаніе.

Предисловіе: Потребность критически разсмотрѣть ученіе графа Л. Толстаго и его руководителей о любви къ людямъ, ея основаніи и мотивахъ. **Стран. 1—4.**

Первая глава: Эгоистическая и безкорыстная любовь къ людямъ по воззрѣнію гр. Толстаго. Міровой разумъ, какъ источникъ „закона“ любви, и человѣкъ, какъ выполнитель этого закона, по ученію гр. Толстаго. Указываемыя имъ побужденія для самоотверженной любви къ людямъ. **Стран. 4—19.**

Вторая глава: Зависимость ученія гр. Толстаго о любви къ людямъ, ея основаніи и мотивахъ отъ ученія Ог. Конта, Шопенгауэра и Гартмана о томъ-же предметѣ. **Стран. 19—39.**

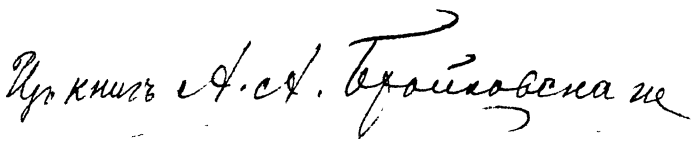
Третья глава: Критическій разборъ ученія гр. Толстаго и его руководителей о верховномъ истичникѣ „закона“ любви, о человѣкѣ, какъ выполнителѣ этого закона, о свойствахъ истинной любви къ людямъ и о побужденіяхъ къ ней. **Стран. 39—105.**

Заключеніе: Въ разсмотрѣнномъ ученіи отрицаніе какъ источника „закона“ любви съ его выполнителемъ, такъ и всякой любви къ людямъ. **Стран. 105—108.**

* * *

Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни.

Слова св. апостола Петра, сказанныя Спасителю міра *(Іоан. 6, 68)*.



Рѣшаюсь предложить Вашему просвѣщенному вниманію посильное слово мое о любви къ людямъ, ея основаніяхъ и мотивахъ [1]). Какъ преподаватель науки, одна изъ существенныхъ задачъ которой состоитъ въ полемикѣ противъ современныхъ раціоналистическихъ противниковъ и исказителей православно-христіанскаго міровоззрѣнія, имѣю весьма уважительные мотивы къ тому, чтобы избрать для своей рѣчи именно этотъ предметъ.

Со времени Огюста Конта, Шопенгауэра и другихъ мыслителей подобнаго направленія вопросъ объ альтруизмѣ получилъ особую важность для христіанскаго апологета и самъ по себѣ, но въ особенности по своей органической связи съ ученіемъ о божествѣ и человѣкѣ. Какъ идеи Ог. Конта, такъ въ особенности идеи Шопенгауэра, многія изъ сочиненій котораго переведены на русскій языкъ, давно знакомы нашей образованной публикѣ. Самое вліяніе этихъ мыслителей на нѣкоторыхъ представителей русской науки не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ доказатель-

[1]) Рѣчь, сокращенно произнесенная на торжественномъ собраніи Казанской Духовной Академіи 8-го ноября 1891 года.

ство своей мысли укажу хотя на г. профессора Н. Я. Грота. „Человѣкъ, по его словамъ, долженъ дѣйствовать не для себя, а для другихъ. Цѣлью должны быть другіе, а самъ онъ—только *средствомъ* для достиженія этой цѣли и продуктомъ ея преслѣдованія другими. Нравственны, хороши только чувства, имѣющія предметомъ другихъ, а также хотѣнія и дѣйствія, съ этими чувствами связанныя“ [1]). Такой взглядъ на нравственно-доброе и злое представляетъ собою не иное что, какъ повтореніе мыслей Ог. Конта.

Но ни у кого онѣ не получили столь крайняго развитія и примѣненія, какъ у всѣмъ извѣстнаго нашего вліятельнаго писателя. Прикрываясь якобы чисто-христіанскою идеею любви къ людямъ, онъ выступилъ съ ученіемъ, колеблющимъ и потрясающимъ самыя дорогія и святыя для людей чувства любви между супругами, самыми кровными родственниками, друзьями, единовѣрцами, товарищами, близкими знакомыми, соотечественниками и т. д. Превратные взгляды этого писателя на любовь къ людямъ, ея основанія и мотивы изложены въ 13-мъ томѣ его сочиненій, который особенно распространенъ и читается не безъ явнаго вреда десятками тысячъ нашихъ соотественниковъ разныхъ общественныхъ положеній, возрастовъ и степеней образованія.

Но что хуже всего, такъ это—высказываемая многими мысль, будтобы въ альтруистическомъ ученіи этого писателя выражаются чисто-евангельскія воззрѣнія. Такъ, еще недавно одинъ изъ видныхъ нашихъ писателей говорилъ въ весьма распространенномъ періодическомъ изданіи, будтобы гр. Толстой—религіознѣйшій человѣкъ, исполненный глубокой вѣры въ божественные завѣты Христа [2]), и будтобы онъ основываетъ свое ученіе на истинномъ разумѣніи евангельской заповѣди о любви [3]). Наиболѣе же заслуживаетъ

---

[1]) Стран. 440 въ 3 кн. журнала: *Новь* за 1884 г.

[2]) Слова г. Буренина въ *Новомъ Времени* отъ 6 сент. 1891 г.

[3]) Слова его-же въ названной газетѣ отъ 30 авг. 1891 г.

вниманія то, что такой же взглядъ на ученіе гр. Толстаго раздѣляетъ даже Н. Н. Страховъ, пользующійся репутаціею серьезнаго мыслителя и просвѣщеннаго писателя. Онъ не только упрекаетъ представителей и друзей христіанской религіи за то, что они не видятъ въ гр. Толстомъ христіанскаго нравоучителя [1]), но и заподозриваетъ пастырей церкви и богослововъ, полемизировавшихъ съ знаменитымъ писателемъ, въ утратѣ пониманія истиннаго духа христіанскаго нравоученія [2]).

Только религіозно-нравственный индеферентизмъ, или оптимистическое лицемѣріе могутъ находить излишнимъ дѣломъ критическій разборъ ученія, извращающаго какъ христіанскую идею любви къ ближнимъ, такъ и христіанское понятіе о Богѣ и человѣкѣ. Для просвѣщенныхъ-же представителей настоящаго собранія, полагаю, очевидна обязанность апологета христіанства сводить счеты съ такимъ ученіемъ.

Я побуждаюсь къ исполненію этой своей обязанности и чисто-побочнымъ, повидимому, но важнымъ обстоятельствомъ. Внявши нѣкоторымъ изъ представленныхъ ему доказательствъ нерезонности отвергать бракъ на томъ основаніи, что І. Христосъ былъ дѣвственникъ, что, будтобы, никто изъ апостоловъ не былъ женатъ, что учители первенствующей церкви были, будтобы, противъ брака, что, будтобы, отъ сокращенія численнаго количества людей на землѣ зависитъ ихъ матеріальное благосостояніе [3]) и т. под., нашъ знаменитый писатель отбросилъ многіе изъ прежнихъ его доводовъ въ пользу безбрачія [4]), но зато выдвинулъ другіе, якобы прямо вытекающіе изъ христіанской идеи

---

[1]) Стран. 107, 109 и 119 въ 9 кн. *Вопросовъ философіи и психологіи.*

[2]) Ibid. стран. 115 и 116.

[3]) См. во 2-мъ изданіи моей брошюры: *О бракѣ и безбрачіи* стран. 38, 40, 91—93, 103—107, 143 и др.

[4]) См. стран. 298, 379 и 381 въ 13-мъ томѣ *Собранія сочиненій* гр. Толстаго *(первое изданіе)*.

любви къ ближнимъ [1]). На полемизировавшемъ съ гр. Толстымъ по вопросу о бракѣ и безбрачіи лежитъ нравственный долгъ теперь разсмотрѣть ученіе его о любви къ людямъ, тѣмъ болѣе, что никто спеціально еще не обсуждалъ его.

Задачею своей рѣчи поставляю возможно-обстоятельное обсужденіе слѣдующихъ вопросовъ: I) въ чемъ состоитъ сущность ученія гр. Толстаго о любви къ людямъ, ея основаніяхъ и мотивахъ, II) откуда позаимствовано оно и III) можетъ-ли быть признано состоятельнымъ съ точки зрѣнія здраваго христіанскифилософствующаго сознанія? Въ виду же того, что многіе усматриваютъ въ гр. Толстомъ не только самобытнаго мыслителя, но и человѣка, будтобы болѣе всего дорожащаго согласіемъ его взглядовъ съ евангельскимъ ученіемъ [2]), вынуждаюсь пообстоятельнѣе показать, чей внимательный и покорный ученикъ—онъ.

I.

Не только разбирать, но и излагать ученіе нашего знаменитаго писателя о любви къ людямъ не иначе, какъ въ связи съ ея основаніями и мотивами, обязываетъ меня и онъ самъ. „Ученіе Христа, говоритъ онъ, какъ и всякое религіозное ученіе, заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: а) ученіе о томъ, какъ надо жить каждому отдѣльно и всѣмъ вмѣстѣ, и б) объясненіе, почему людямъ надо жить именно такъ, а не иначе. Первое есть слѣдствіе другаго“ [3]). Вопросъ о метафизическихъ основаніяхъ альтруизма представляетъ неоспоримую важность: коль скоро оказались-бы они несостоятельными, то уже чрезъ это одно была-бы подорвана вся мнимо-альтруистическая доктрина на-

[1]) Ibid. стран. 376 и 380.

[2]) См. слова г. Волынскаго на стран. 29 въ 5 кн. *Вопросовъ философіи и психологіи* и слова г. Страхова на 109 и др. стран. въ 9 кн того-же журнала.

[3]) Стран. 244 въ *Worin besteht mein Glaube* (Leipzig, 1885 г.).

шего знаменитаго писателя и его руководителей. Недостаточность же или непригодность мотивовъ, выставленныхъ для мнимо-альтруистической дѣятельности, довершила бы паденіе всей доктрины. Но сперва обратимся къ ученію нашего писателя о любви къ людямъ, а затѣмъ уже перейдемъ къ ея основаніямъ и мотивамъ.

То, что́ люди всего чаще называютъ любовью, по мнѣнію гр. Толстаго, не заслуживаетъ имени любви. Не говоря уже объ увлеченіи наукою, искусствомъ, какой-нибудь государственно-общественной службою, пріобрѣтеніемъ денегъ и тому подобнымъ, даже особая любовь къ женѣ, къ мужу, къ дѣтямъ, къ родителямъ, къ родственникамъ, къ друзьямъ, къ товарищамъ, къ соотечественникамъ и т. под. рѣшительно не заслуживаетъ названія истинной любви [1]). То, что́ люди обыкновенно называютъ любовью, представляетъ собою эгоистическое предпочтеніе однихъ условій блага своей личности другимъ. Когда человѣкъ говоритъ, что онъ любитъ свою жену, или своего ребенка, или друга, онъ говоритъ этимъ только то, что присутствіе такихъ лицъ увеличиваетъ благо его личной жизни [2]). Значитъ, въ основѣ такой любви лежитъ эгоизмъ, забота о личномъ благѣ. Любовь же не есть пристрастіе къ тому, что́ увеличиваетъ временное благо личности человѣка, а именно таковымъ пристрастіемъ и оказывается любовь къ избраннымъ лицамъ или предметамъ [3]). Если же любящій иногда и забываетъ ближайшіе интересы своей личности ради любимаго, то онъ дѣлаетъ это въ отдаленнѣйшихъ интересахъ своего-же блага [4]). Истинная любовь чужда всего этого: она предполагаетъ въ человѣкѣ отреченіе отъ своего *я* и отъ по-

---

[1]) Стран 19, 21, 22 и друг. въ 13-мъ т. *Собранія сочиненій.*

[2]) Ibid. стран. 25 и 26.

[3]) Ibid. стран. 31 и др.

[4]) Ibid. стран. 27.

гони за личнымъ счастіемъ [1]). Предпочтительная любовь къ какимъ-либо людямъ или предметамъ не заслуживаетъ названія любви и потому, что она является источникомъ скорбей и бѣдствій какъ для питающаго ее, такъ для любимыхъ лицъ. Не видимъ-ли мы, какъ любящій женщину самъ страдаетъ отъ этой любви и заставляетъ страдать любимое существо? Не знаемъ-ли, какъ подъ вліяніемъ этого же чувства люди, принадлежащіе къ какому-нибудь товариществу, наносятъ вредъ другимъ изъ-за того только, чтобы отстоять своихъ? Тоже чувство пристрастія къ какому-либо занятію заставляетъ человѣка мучить себя надъ нимъ и чрезъ то причинять горе окружающимъ людямъ. Тоже чувство въ видѣ патріотизма не позволяетъ людямъ переносить ни малѣйшей обиды, нанесенной ихъ любимому отечеству, и покрываетъ поля убитыми и раненными, какъ своими, такъ и чужими [2]). Вообще предпочтительная любовь, какъ выходящая изъ эгоизма личности, лишь увеличиваетъ стремленіе ея къ личному благу и разжигаетъ борьбу между индивидуумами за блага жизни [3]). Еслибы въ человѣкѣ не было любви къ себѣ и предпочтительной любви къ чему-либо, то не существовало-бы 99 процентовъ зла, теперь господствующаго въ человѣчествѣ. Девяносто девять процентовъ зла между людьми проистекаетъ изъ того фальшиваго чувства, которое мы восторженно называемъ любовью и которое въ сущности есть звѣрское чувство [4]).

Чтобы любовь заслуживала своего имени и была источникомъ блага для людей, она не должна направляться преимущественно на какія-либо лица, но должна безразлично простираться на всѣхъ людей. встрѣчающихся намъ на жизненномъ пути. Еслибы люди были

---

[1]) Ibid. стран. 29 и др.

[2]) Стран. 152—153 въ *Über Leben* (Leipzig, 1889 г.).

[3]) Стран. 28—29 въ 13 т. *Собранія сочиненій.*

[4]) Стран. 159 въ *Uber Leben.*

богами, то они еще могли-бы любить однихъ избранныхъ людей. Тогда и предпочтеніе однихъ людей могло-бы быть истинной любовью [1]). Съ другой стороны, люди находятся въ такихъ условіяхъ существованія, при коихъ *всякое* плотское благо получается однимъ изъ нихъ только въ ущербъ другому [2]). По какому-же праву мы стали бы ради однихъ людей, почему-нибудь угодныхъ намъ, наносить ущербъ другимъ такимъ-же по своей природѣ существамъ? Въ той давкѣ и борьбѣ животныхъ интересовъ, которыя составляютъ жизнь міра, и любовная дѣятельность, направленная на благо другихъ, отнюдь не должна опредѣляться нашими личными пристрастіями и привязанностями, а должна быть обращена на тѣхъ, кто бы въ данный моментъ ни предсталъ предъ нами, какъ нуждающійся въ нашей помощи. Если же мы допустимъ, что чужаго озябшаго ребенка можно не одѣть или что можно отказать въ подаяніи постороннему голодному старику, такъ какъ въ противномъ случаѣ наши дѣти остались-бы раздѣтыми и голодными, то вѣдь я могу не отдаться и другимъ требованіямъ любви во имя моихъ будущихъ дѣтей. Но такъ дѣйствовать значитъ дѣйствовать не во имя любви, а во имя своей личности. Тутъ человѣкъ любитъ лишь себя самого и никого больше [3]). Это тѣмъ несомнѣннѣе, что любви въ будущемъ не бываетъ: она есть дѣятельность только въ настоящемъ. Человѣкъ, не проявляющій любви въ настоящемъ, чуждъ ея [4]).

Истинная любовь состоитъ въ томъ, что мы любимъ другихъ больше, чѣмъ себя самихъ, и живемъ отнюдь не для себя, а для другихъ [5]). Какъ ничѣмъ

---

[1]) Стран. 23 въ 13 томѣ *Собранія сочиненій.*

[2]) Ibid.

[3]) Ibid. стран. 23 и 24.

[4]) Ibid. стран. 24 и 25.

[5]) Стран. 120 и 121 въ *Über Leben.*

не закрытое растеніе не можетъ спрашивать и не спрашиваетъ о томъ, въ какую сторону ему расти и хорошъ-ли наличный свѣтъ, не подождать-ли ему лучшаго, а беретъ тотъ единственный свѣтъ, который есть въ мірѣ, и тянется къ нему, такъ и разумно любящій человѣкъ не разсуждаетъ о томъ, какимъ любимымъ существамъ послужить и нѣтъ-ли еще какой-нибудь лучшей любви, чѣмъ заявляющая свои требованія, а отдаетъ себя, свое существованіе той любви, какая доступна ему и есть предъ нимъ [1]). Истинная любовь есть *состраданіе* не только ко всѣмъ людямъ одинаково, кто бы они ни были, но и къ животнымъ всякаго рода [2]). Истинно-любящій ничего не ищетъ и не добивается для самого себя. У него нѣтъ ничего своего. Блага, какими онъ можетъ пользоваться, должны быть плодомъ не личнаго пріобрѣтенія, а дара со стороны другихъ людей [3]). Вся жизнь истинно-любящаго есть осуществленіе правила: никому не вреди и всѣмъ, сколько можешь, помогай. Онъ никогда не гнѣвается, не клянется, не судится и не противится насиліемъ злому человѣку [4]). Онъ не только не предается блуду, но, напротивъ, сохраняетъ всегдашнее цѣломудріе. Только въ томъ случаѣ могъ бы онъ, не впадая въ грѣхъ, жениться, еслибы видѣлъ, что всѣ существующія жизни дѣтей обезпечены [5]). Никому ничѣмъ и никогда не вредя, истинно-любящій служитъ всякому, кому бы ни пришлось, своимъ физическимъ, преимущественно же земледѣльческимъ, трудомъ, но отнюдь

---

[1]) Стран. 30 въ 13 т. *Собранія сочиненій.*

[2]) Стран. 122, 128 и др. въ *Über Leben.* Въ письмѣ къ А. А. Фету отъ 29 апр. 1876 г. писалъ гр. Толстой, что онъ съ Шопенгауэромъ считаетъ любовь и состраданіе за *одно* и *тоже* (стран. 466 въ 8 кн. *Русскаго Обозрѣнія* за 1890 г.).

[3]) Стран. 125 въ *Über Leben.*

[4]) Стран. 275 и др. въ *Worin besteht mein Glaube?*

[5]) Стран. 380 въ 13 т. *Собранія сочиненій.*

не деньгами, которыя суть зло [1]). Вообще совершенно забывая себя самого, онъ не только отдаетъ другому свои силы и свое время, но и самое тѣло свое и жертвуетъ своей жизнью ради блага другихъ [2]).

Но кто же или что же возлагаетъ на человѣка долгъ такой безусловно самоотверженной любви къ живущимъ существамъ? Какъ мы должны представлять себѣ тѣхъ, кои призваны имѣть такую любовь и самоотверженно служить благу всѣхъ? На этотъ вопросъ предлагается обстоятельный отвѣтъ въ разсужденіяхъ гр. Толстаго объ общей основѣ всего сущаго, о человѣкѣ, какъ нравственно дѣйствующемъ субъектѣ, и ихъ взаимоотношеніи. Отвѣтъ этотъ, по взгляду гр. Толстаго, внушается человѣку его разумнымъ сознаніемъ, которое свойственно лишь человѣку и которымъ онъ отличается отъ животныхъ [3]).

Виновникомъ „закона“, въ силу коего человѣкъ долженъ любить другихъ больше, чѣмъ самаго себя, и жить не для себя, а для другихъ, является, по ученію гр. Толстаго, не личный всесовершенный Духъ, не Богъ, какъ Его представляетъ себѣ религіозное сознаніе человѣчества, а безличный міровой разумъ. Онъ—единственная основа, живущая во всемъ и всѣхъ насъ соединяющая во едино [4]). Все есть воплощеніе и проявленіе этого абсолютнаго разума, но въ особенности человѣкъ съ свойственнымъ лишь ему одному разумнымъ сознаніемъ. Какъ окружающая человѣка природа существуетъ и живетъ по законамъ этого разума, такъ и человѣкъ въ своей жизни опредѣляется закономъ, исходящимъ отъ этого же разума. Все въ окружающей человѣка природѣ не сознательно выполняетъ законы

---

[1]) Ibid. стран. 4 и 100. См. также стран. 344 и др. въ 12 т. *Собранія же сочиненій* (7-е изданіе).

[2]) Стран. 30 и др. въ 13 т. *Собранія сочиненій*.

[3]) Стран. 106 въ *Über Leben*.

[4]) Ibid. стран. 73.

абсолютнаго разума. Человѣкъ-же долженъ сознательно подчиняться закону истинно-человѣческой жизни [1]). Законъ этотъ — важнѣйшій изъ законовъ, по коимъ совершается что-либо въ мірѣ. Подъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ этого закона постепенно, но неизбѣжно должна быть достигнута цѣль, предпоставленная абсолютнымъ разумомъ міровому процессу. Цѣлію же міра, по словамъ гр. Толстаго, служитъ безконечное просвѣщеніе и единеніе *всѣхъ* существъ міра. Сначала люди, а впослѣдствіи и *всѣ* существа, все болѣе и болѣе подчиняясь закону разума, поймутъ то, что́ теперь дано понять только человѣку, а именно: что благо жизни достигается не чрезъ стремленіе каждаго существа къ своему личному благу, но чрезъ согласное съ закономъ разума стремленіе всякаго существа ко благу всѣхъ другихъ [2]). Это предсказано еще ветхозавѣтными пророками, говорившими, что наступитъ время, когда всѣ люди будутъ научены Богомъ, когда они перекуютъ мечи на орала, копья на серпы, когда левъ будетъ лежать съ ягненкомъ, когда всѣ существа будутъ соединены любовью [3]). Этотъ міровой разумъ, законоустанавливающій и цѣлеполагающій, отожествляется у гр. Толстаго съ евангельскимъ Богомъ-Словомъ. Именно объ этомъ разумѣ говорится, будтобы, въ первыхъ стихахъ первой главы евангелія отъ Іоанна: Слово (λόγος—разумъ, мудрость) есть начало всего, все отъ Него и въ Немъ все [4]).

Этимъ ученіемъ гр. Толстаго о міровомъ разумѣ, какъ основѣ всего сущаго, сами собою опредѣляются природа и отношеніе всего индивидуальнаго, частнаго,

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid. стран. 128.

[3]) Стран. 298 и 376 въ 13 т. *Собранія сочиненій*. Ср. сказанное мною на стран. 127 во 2-мъ изданіи моей брошюры: *О бракѣ и безбрачіи*. Какъ видимъ, гр. Толстой опровергаетъ меня ссылкою на пророчество...

[4]) Стран. 72 въ *Über Leben*.

къ тому, что есть какъ-бы душа міра. Все индивидуальное, частное, будучи лишь проявленіемъ всеобщаго начала бытія и жизни, лишено собственной субстанціи и всякой цѣнности, имѣетъ значеніе лишь средства для достиженія цѣлей міроваго разума и обречено на уничтоженіе [1]). Если таково все индивидуальное, частное, то не можетъ быть инымъ и человѣкъ, какъ нравственно дѣйствующій субъектъ.

Даже личность не почитается у гр. Толстаго исключительной принадлежностью человѣка, отличающею его отъ животныхъ. Личность свойственна, будтобы, и животнымъ, хотя они и несознаютъ, что они—личности. Поскольку человѣкъ есть животное, постольку и ему свойственна личность [2]). Какъ у животныхъ, такъ и у человѣка личность съ присущимъ ей сознаніемъ и различными индивидуальными особенностями есть лишь временная, лишенная сама по себѣ всякой цѣнности, непрестанно приближающаяся къ уничтоженію форма, въ коей проявляется всеобщій міровой разумъ и чрезъ которую онъ достигаетъ своихъ цѣлей [3]). Что человѣческая личность есть нѣчто мимолетное и уничтожимое, это, будтобы, неопровержимо доказывается постоянной текучестью и измѣнчивостью свойственнаго ей сознанія о себѣ. Только при поверхностномъ взглядѣ кажется, говоритъ гр. Толстой, будтобы основа личности—сознаніе—есть нѣчто постоянное и устойчивое. Въ дѣйствительности же сознаніе наше также измѣняется, какъ и тѣло наше. Какъ нѣтъ ничего общаго въ веществѣ нашего тѣла, какимъ оно было десять лѣтъ тому назадъ и каково оно теперь, такъ нѣтъ ничего общаго между прежнимъ и теперешнимъ нашимъ сознаніемъ. Сознаніе наше, когда мы были трехлѣтними

---

[1]) Ibid. стран. 73. Ср. стран. 36—37 и др. въ 13 т. *Собранія сочиненій.*

[2]) Стран. 106 и др. въ *Über Leben.*

[3]) Ibid. стран. 110, 113 и друг.

дѣтьми, и теперешнее также различны, какъ и вещество нашего тѣла теперь и нѣсколько лѣтъ тому назадъ. У человѣка нѣтъ одного сознанія о себѣ, а есть рядъ послѣдовательныхъ сознаній, которыя можно дробить до безконечности [1]). Наше *я* отнюдь не есть одно и тоже во все время нашего существованія. Напротивъ, оно такъ мѣняется, что если мы и помнимъ кое-что изъ своего прошедшаго, или если намъ напоминаютъ о немъ, то мы помнимъ и вспоминаемъ, какъ относящееся къ кому-то другому [2]). Но недостаточно сказать, что наше сознаніе о себѣ постоянно измѣняется. Каждые сутки во время ночнаго сна оно совершенно обрывается и исчезаетъ такъ, какъ и при смерти [3]). Словомъ: личность человѣка, какъ и личность животнаго, есть нѣчто феноменальное и уничтожимое. Вся жизнь личности, какъ личности, въ сущности есть постоянное приближеніе къ смерти и какъ бы постепенное умираніе [4]). Не индивидуальное, не личное, а родовое обладаетъ устойчивостью и непреходящностью [5]).

Но личное начало въ человѣкѣ не есть только феноменальное и обреченное уничтоженію начало. Оно, поскольку стремится утвердить и отстоять себя, есть зло и источникъ зла. Личность—воплощенный эгоизмъ, коль скоро слѣдуетъ собственнымъ влеченіямъ. Для личности жизнь другихъ людей и существъ, ее окружающихъ, является не болѣе, какъ однимъ изъ условій собственнаго ея блага. Если человѣкъ, погруженный въ собственную свою индивидуальность, не желаетъ зла другимъ, то—только потому, что зрѣлище чужихъ страданій способно нарушать его собственное благополучіе. Самое добро дѣлаетъ онъ другимъ не иначе,

---

[1]) Стран. 40—41 въ 13 т. *Собранія сочиненій.*

[2]) Ibid. стран. 39.

[3]) Ibid. стран. 40 и 47.

[4]) Ibid. стран. 45, 51 и др.

[5]) Стран. 27 и др. въ *Über Leben.*

какъ съ цѣлію увеличить счастье своей жизни. Словомъ: для личности важно и желательно только ея собственное благо [1]).

Не въ личности нашей съ ея сознаніемъ, непрестанно измѣняющимся, и съ ея эгоистическимъ стремленіемъ къ собственному лишь ея благу заключается настоящее *я* человѣка. То, что̀ должно быть названо этимъ *я*, есть извѣстное отношеніе человѣка къ міру, состоящее въ любви къ одному и въ не любви къ другому [2]). Это - то опредѣленное отношеніе человѣка къ міру, по ученію гр. Толстаго, и служитъ въ насъ соединяющимъ звѣномъ для всѣхъ смѣняющихся актовъ сознанія [3]). Съ этимъ опредѣленнымъ отношеніемъ къ міру человѣкъ уже является въ міръ изъ области внѣвременной и внѣ-пространственной [4]). Являясь въ міръ уже съ напередъ установившимся отношеніемъ къ нему и будучи по существу своему ничѣмъ инымъ, какъ просто этимъ отношеніемъ, человѣкъ устанавливаетъ новое и новое отношеніе къ міру [5]). То, что̀ онъ совершитъ здѣсь, также не уничтожается съ уничтоженіемъ его личности. а остается жить въ мірѣ, переходя лишь въ иные индивидуумы, и составляетъ то, что̀ должно называть безсмертіемъ человѣка [6]).

Но въ чемъ-же состоитъ это установленіе человѣкомъ новаго отношенія къ міру и есть-ли оно свободный актъ его воли? Новое отношеніе къ міру, устанавливаемое человѣкомъ, есть не иное что, какъ большее и большее подчиненіе его личности требованіямъ разума [7]). Это дѣйствіе человѣка не—плодъ свободнаго

---

[1]) Ibid. стран. 24 и др

[2]) Стран. 42 въ 13 т. *Собранія сочиненій.*

[3]) Ibid. стран. 43.

[4]) Ibid. стран. 45.

[5]) Ibid. стран. 49.

[6]) Ibid. стран. 51—52.

[7]) Ibid. стран. 49.

акта его воли, ибо свободы воли онъ, какъ нѣкое отношеніе, не имѣетъ и имѣть не можетъ. Установленіе новаго отношенія къ міру есть плодъ дѣятельности міроваго начала, живущаго въ человѣкѣ и выражающагося въ его разумномъ сознаніи [1]). Спрашивается: почему же, однако, было и есть много людей, непризнающихъ закономъ своей жизни указываемый міровымъ разумомъ законъ и добивающихся блага своей личности? Причиною этого—ложныя ученія церковниковъ и свѣтскихъ ученыхъ, сбивающія разумъ людей съ его истиннаго пути [2]). Значитъ и тутъ дѣло — не въ той свободѣ воли человѣка, которую навязываютъ послѣднему люди, не разумѣющіе дѣла [3]). Но если не разумъ, то мучительность страданій и ужасъ грядущей смерти *волей - неволей* все же заставляютъ человѣка признать необходимость установленія новаго отношенія къ міру и осуществить ее [4]).

Такимъ, образомъ, человѣкъ, коему предназначено выполнять законы міроваго разума и осуществлять его цѣли, отнюдь не есть существо самостоятельное и самодѣятельное. Онъ не болѣе, какъ какой-то сосудъ, какая-то форма въ необозримомъ ряду другихъ такихъ же сосудовъ или формъ, въ которые переливается и воплощается жизнь міроваго разума. При такомъ взглядѣ на человѣка странно было бы и говорить объ его обязанностяхъ къ себѣ самому и о какихъ-либо правахъ его. Человѣкъ есть и долженъ быть не инымъ чѣмъ, какъ просто средствомъ для достиженія общей цѣли бытія. Отреченіе отъ блага личности и всецѣлое служеніе другимъ—вотъ что должно быть естественнымъ жребіемъ и призваніемъ его. Жить для своего самоусовершенія и для достиженія блага своей личности и

---

[1]) Стран. 115—117 въ *Uber Leben.*

[2]) Ibid. стран. 46 и др.

[3]) Стран. 138 въ *Worin besteht mein Glaube.*

[4]) Стран. 75, 80 и 83 въ 13 т. *Собранія сочиненій.*

не значитъ жить человѣческой жизнью съ точки зрѣнія гр. Толстаго. Это—просто существованіе, говоритъ онъ, но не жизнь. Жизнь человѣка начинается лишь съ того момента, какъ онъ отрекся отъ блага своей личности и сталъ жить для блага другихъ, выполняя тѣмъ законъ человѣческой жизни, исходящій отъ міроваго разума [1]). На этотъ-то законъ человѣческой жизни издревле указывали мудрецы міра: брамины, Будда, Конфуцій, Лаоцзы, Соломонъ, стоики и Христосъ, изъ коихъ Послѣдній обобщилъ сказанное другими и выразилъ въ слѣдующемъ положеніи: жизнь есть любовь къ Богу и къ ближнимъ, ведущая человѣка ко благу [2]). Можно допустить, что сущность дѣла должна бы быть выражена точнѣе и яснѣе, но нельзя не признать истинности сказаннаго въ этихъ словахъ [3]).

Человѣкъ, благодаря свойственному ему разумному сознанію, не только понимаетъ, что законъ его жизни состоитъ въ томъ, чтобы отречься отъ блага личности своей и жить для другихъ, но и имѣетъ самыя сильныя побужденія къ сознательному выполненію этого закона своей жизни. Побужденія эти состоятъ а) въ признаніи недостижимости личнаго блага при служеніи себѣ самому и б) въ сознаніи невозможности отдѣлять страданія другихъ существъ отъ собственныхъ страданій.

Жизнь, говоритъ гр. Толстой, не только нельзя отдѣлять отъ стремленія ко благу, къ счастію, но она и есть не иное что, какъ именно это стремленіе [4]). Между тѣмъ, сколько и какъ человѣкъ ни усиливается достичь личнаго счастія, онъ не успѣваетъ въ этомъ. Вся жизнь человѣка, гоняющагося за личнымъ счастіемъ, представляетъ собою непрерывную цѣпь страда-

---

[1]) Стран. 108 и др. въ *Über Leben.*

[2]) Ibid. стран. 30.

[3]) Ibid. стран. 31.

[4]) Ibid. стран. 20 и друг.

ній [1]). Личность никогда и никакъ не въ состояніи добиться блага для себя. На это издавна указывали великіе мудрецы. Все, въ чемъ люди думаютъ найти благо своей личности, оказывается, по выраженію Соломона, просто суетою суетъ [2]) Вообще немыслимость блага для личности составляетъ непоколебимую истину. признанную теперь каждымъ разумнымъ человѣкомъ [3]). Но если это такъ, то личное существованіе человѣка утрачиваетъ всякій смыслъ [4]). Чтобы человѣкъ достигалъ блага жизни и чтобы она имѣла смыслъ, ему ничего другаго неостается, какъ замѣнить стремленіе къ недоступному личному благу стремленіемъ ко благу другихъ [5]). Человѣкъ. постигшій недостижимость блага личности, невольно вызывается сдѣлать это. Онъ не можетъ не видѣть того, что онъ въ состояніи быть счастливымъ только тогда, когда всѣ другіе люди и существа будутъ любить его больше, чѣмъ себя, и станутъ жить не для своего блага, а для блага его. Но если такъ, то, значитъ, и онъ долженъ любить другихъ больше, чѣмъ себя, и жить не для себя, а для блага другихъ [6]). Что только чрезъ такой образъ дѣйствій можетъ быть достигнуто и личное благо, это неподлежитъ сомнѣнію. Всецѣло открекшійся отъ прямой погони за своимъ благомъ не можетъ возбуждать противъ себя борьбы со стороны другихъ и неимѣетъ основаній страшиться страданій и смерти [7]). Потребности же его животной личности всегда будутъ удовлетворены. Ему не зачѣмъ тревожно спрашиватъ себя:

---

[1]) Стран. 15, 69 и др. въ 13 т. *Собранія сочиненій.*

[2]) Стран. 39 и др. въ сочиненіи гр. Толстаго: *Bekenntnisse* (Leipzig, 1886 г)

[3]) Стран. 142 въ *Über Leben*

[4]) Ibid.

[5]) Ibid. Стран. 31.

[6]) Ibid. Стран. 120.

[7]) Ibid. Стран. 121 и др.

Библіотека Академіи

что я буду ѣсть или во что одѣнусь? Какъ самоотверженно служащій благу другихъ, онъ этими другими всегда будетъ обезпеченъ со стороны удовлетворенія своихъ потребностей [1]). Лишнихъ же потребностей, создаваемыхъ и увеличиваемыхъ ложно направленнымъ разумомъ, каковы безчисленныя потребности въ наукѣ, искусствѣ, религіи и т. под., не имѣетъ и имѣть не можетъ его животная личность, руководимая разумнымъ сознаніемъ [2]).

Открывающійся въ разумномъ сознаніи человѣка міровой разумъ внушаетъ ему, что для него отрицаніе блага и жизни личности и всецѣлое служеніе другимъ существамъ есть такое же легкое и естественное дѣло, какъ для птицъ летанье [3]). Но почему-же это такъ? Только отсутствіе разумнаго взгляда на вещи отдѣляетъ человѣка китайскими стѣнами отъ другихъ людей и существъ и замыкаетъ его въ узкіе предѣлы пространства и времени. На самомъ же дѣлѣ то, что составляетъ сущность человѣка, чуждо всякихъ условій пространства и времени. Имъ подлежитъ лишь животная его личность, но не его разумное сознаніе. „Сознаю я свою жизнь не такъ, что я былъ или буду, говоритъ гр. Толстой, а сознаю свою жизнь такъ, что я *есмь*, т. е. никогда и нигдѣ неначинаюсь, никогда и нигдѣ некончаюсь. Съ сознаніемъ моей жизни несоединимо понятіе времени и пространства. Жизнь моя проявляется во времени, пространствѣ, но это только проявленіе ея. Сама же жизнь, сознаваемая мною, сознается мною внѣ времени и пространства. При этомъ взглядѣ выходитъ, что не сознаніе жизни есть призракъ, а *все* пространственное и временное призрачно [4]). Выкинувши, такимъ образомъ, человѣка

---

[1]) ibid. стран. 138 и др.

[2]) Ibid. стран. 138 и др.

[3]) Ibid. стран. 64 и др.

[4]) Стран. 36 и др. въ 13 т. *Собранія сочиненій.*

изъ условій времени и пространства, гр. Толстой чрезъ то самое сдѣлалъ для него съ своей точки зрѣнія естественными и легкими всякія жертвы въ пользу другихъ людей и существъ. Вѣдь при такомъ воззрѣніи на человѣка всѣ другіе люди и живущія существа должны быть не инымъ чѣмъ, какъ въ сущности имъ-же самимъ. Чужія бѣдствія и страданія въ этомъ случаѣ представляются его собственными бѣдствіями и страданіями. А если такъ, то выходитъ, что человѣкъ, освобождая другія какія-нибудь существа отъ страданій, освобождаетъ отъ нихъ себя самаго. Такъ именно и смотритъ на дѣло гр. Толстой. По его взгляду человѣкъ не можетъ невидѣть въ грѣхахъ и страданіяхъ другихъ существъ собственныхъ грѣховъ и страданій и въ освобожденіи отъ нихъ другихъ существъ освобожденія себя самаго [1]).

Подводя итогъ всему, что говоритъ гр. Толстой о любви, ея основаніяхъ и мотивахъ, получаемъ слѣдующія положенія. а) Нужно любить другихъ больше, чѣмъ себя, и жить не для себя, а для другихъ. Возможно же это не иначе, какъ при полномъ отреченіи отъ непосредственнаго блага своей личности. Въ самоотверженной любовной дѣятельности, посвященной благу другихъ, будутъ-ли это люди или животныя, и состоитъ истинная жизнь человѣка, а не въ исполненіи какихъ-то обязанностей къ себѣ самому и не въ совершенствованіи прирожденнаго ему. Никому ничѣмъ и никогда невредить и помогать всѣмъ, кому пришлось, вотъ въ чемъ смыслъ человѣческой жизни. Всякая же предпочтительная любовь человѣка къ кому бы и къ чему бы то ни было есть зло, эгоизмъ. Нашъ вліятельный писатель оправдываетъ эту свою мысль и ссылками на слова Спасителя о томъ, что недостаточно любить тѣхъ только, кто насъ любитъ, что не должно любить родственниковъ больше, чѣмъ Хри-

---

[1]) Ibid. Стран. 76—77 и др.

ста, что нужно любить враговъ и т. д. [1]). б) Любить другихъ больше, чѣмъ себя, и жить не для себя, а для другихъ, есть законъ человѣческой жизни, установленный міровымъ разумомъ въ видахъ объединенія и осчастливленія всего живущаго и проводимый имъ въ жизни міра съ неустранимою неизбѣжностью. Человѣкъ, призванный сознательно выполнять требованія этого закона, не есть существо, хотябы относительно самостоятельное и самодѣятельное. Напротивъ, онъ-неболѣе, какъ высшая форма, въ которую вселяется міровой разумъ и чрезъ которую достигаетъ своихъ цѣлей. Существенное въ человѣкѣ—не личность, которая сама по себѣ есть нѣчто злое, непрестанно измѣняющееся и уничтожимое. Истинное ядро человѣка состоитъ въ опредѣленномъ разумномъ отношеніи его къ міру, выражающемся во все большемъ и большемъ отреченіи отъ жизни и блага личности въ пользу другихъ существъ. в) Къ выполненію закона, положеннаго міровымъ разумомъ въ основу человѣческой жизни, невольно располагаетъ людей сознаніе того, что благо человѣческой личности, рѣшительно недостижимое при ея служеніи самой себѣ, непремѣнно достигается, лишь только она будетъ жить не для своего блага, а для блага другихъ, и что для постигшаго иллюзорность пространства и времени служить благу другихъ значитъ служить въ сущности собственному благу.

II.

Напрасно усиливается гр. Толстой увѣрить, будтобы ученіе его есть плодъ внимательнаго изученія евангелій и будтобы онъ—вѣрный ученикъ Спасителя. Точно также напрасно утверждаютъ и его поклонники, будтобы ученіе его несомнѣнно возникло на евангельской или по крайней мѣрѣ вообще на христіанской

[1]) Стран. 163 и др. въ *Uber Leben*.

почвѣ. Наконецъ, неправы и тѣ, кто видитъ въ гр. Толстомъ самобытнаго мыслителя. Учителями и руководителями его представляются отнюдь не евангелія и не І. Христосъ, а Огюстъ Контъ и Гартманъ, но въ особенности же Шопенгауэръ. Доктрина нашего знаменитаго писателя до такой степени не самостоятельна, что въ ней нѣтъ даже ни одной сколько-нибудь существенной мысли, которая не была бы результатомъ явнаго позаимствованія то у одного, то у другаго изъ этихъ мыслителей. Вся кажущаяся оригинальность его ученія состоитъ лишь въ своеобразной передачѣ позаимствованнаго.

Что нашъ перепрославляемый писатель свѣтитъ позаимствованнымъ свѣтомъ, если,—несказать,—дымитъ чужимъ дымомъ, на это есть указаніе въ признаніяхъ какъ постороннихъ лицъ, такъ и его самого. Н. Гейнсъ, извѣстный за границею подъ именемъ Вильяма Фрея, знатокъ и горячій послѣдователь ученія Ог. Конта, находилъ еще въ 1885 году, до личнаго свиданія съ гр. Толстымъ, весьма много общаго между ученіемъ этого послѣдняго и ученіемъ указаннаго французскаго мыслителя [1]). Для Н. Гейнса, знавшаго тогда только два произведенія гр. Толстаго: *Исповѣдь* и *Въ чемъ моя вѣра*, ясно было и то, что въ мнѣніи автора этихъ произведеній І. Христосъ отнюдь не есть Богочеловѣкъ, а просто одинъ изъ мудрецовъ міра, ученіе Кого его казалось нашему знаменитому писателю полезнымъ для эксплоатированія въ видахъ успѣха личныхъ его идей и взглядовъ [2]). Проведя въ имѣніи гр. Толстаго около недѣли и подробно переговоривши съ нимъ касательно его ученія, Н. Гейнсъ категорически потомъ заявлялъ, что его собесѣдникъ далекъ отъ *вся-*

---

[1]) См. *Извлеченія* изъ письма покойнаго Н. Гейнса къ гр. Толстому на стр. 3, 10, 20 и 25 въ брошюрѣ Н. В. Рейнгардта: *Необыкновенная личность* (Казань, 1889 г.).

[2]) См. копію съ вышеуказаннаго письма отъ 5-го сентября (24 авг.) 1885 года, пріобрѣтенную въ рукоп. видѣ и мною.

каго богословскаго міровоззрѣнія и что онъ *болѣе* позитивистъ, чѣмъ самъ о *себѣ* думаетъ [1]). А что изъ философовъ—пессимистовъ въ особенности Шопенгауэръ вліялъ на гр. Толстаго, объ этомъ можно догадываться уже на основаніи письма послѣдняго къ А. А. Фету отъ 30 августа 1869 года. Въ письмѣ этомъ находятся, между прочимъ, слѣдующія знаменательныя слова: „Знаете-ли, чѣмъ было для меня нынѣшнее лѣто? Не престающимъ восторгомъ предъ Шопенгауэромъ и рядомъ духовныхъ наслажденій, которыхъ я никогда неиспытывалъ. Я выписалъ всѣ его сочиненія и читалъ и читаю. И вѣрно ни одинъ студентъ въ свой курсъ не учился такъ много и столь много неузналъ, какъ я въ нынѣшнее лѣто. Шопенгауэръ—геніальнѣйшій изъ людей. Въ сочиненіяхъ его міръ открывается въ невѣроятно ясномъ и красивомъ освѣщеніи“ [2]).

Но то, что̀ получаетъ значеніе лишь большой вѣроятности въ силу свидѣтельствъ Н. Гейнса и самаго гр. Толстаго, превращается въ нѣчто, не подлежащее сомнѣнію, если мы сопоставимъ ученіе нашего знаменитаго писателя съ ученіемъ Ог. Конта и двоихъ изъ крупнѣйшихъ нѣмецкихъ пессимистовъ. Прежде всего обращусь къ Ог. Конту, возмнившему возвести свою нравственно-соціальную доктрину на степень „религіи человѣчества“ и видѣвшему въ ней единственное средство къ нравственному возрожденію человѣчества и къ достиженію имъ счастія [3]).

Видя въ самой по себѣ личности человѣческой источникъ только эгоизма и ожесточенной борьбы между людьми, Контъ призналъ необходимымъ подавить личное начало въ человѣкѣ и всецѣло подчинить его

---

[1]) См. *Матеріалы для біографіи В. Фрея* въ 14 и 60 №№ *Волжскаго Вѣстника* за 1891 г.

[2]) Стран. 62 и 63 въ 5 кн. *Русск. Обозрѣнія* за 1890 г.

[3]) Обстоятельную критику религіи Конта можно читать въ сочиненіи Caldr'a: *The socialphilosophy and religion of Comte* (1885 г.).

интересамъ и цѣлямъ человѣчества [1]). Понятно, что онъ нашелъ недостаточнымъ для своей системы христіанскій принципъ любви къ людямъ. Говорить, что мы должны любить ближнихъ. какъ себя самихъ, по воззрѣнію Конта, значитъ не только освящать эгоизмъ, но даже возбуждать и укрѣплять его [2]). Не въ христіанскомъ ученіи о любви къ людямъ, а въ альтруизмѣ видитъ Контъ высшій нравственно-соціальный принципъ, долженствующій подчинять и направлять всю жизнедѣятельность индивидуума. Подъ альтруизмомъ у французскаго мыслителя разумѣется такое правило поведенія, по коему человѣкъ долженъ жить не для себя, а для другихъ, и обязывается любить другихъ больше, чѣмъ себя самаго [3]). Любить другихъ больше, чѣмъ себя, и жить только для другихъ составляетъ первую обязанность всякаго человѣка, кто бы онъ ни былъ [4]). Что вся жизнедѣятельность человѣка должна быть направляема альтруистическими соображеніями и видами, это обстоятельно раскрываетъ Ог. Контъ. Идетъ-ли рѣчь объ удовлетвореніи чувственныхъ инстинктовъ и потребностей человѣка, оно должно быть соображаемо также съ интересами и благомъ другихъ [5]). Всѣ отрицательныя рѣчи гр. Толстаго о наукѣ и искусствѣ представляютъ собою лишь *крайнее* развитіе взглядовъ Конта [6]). Послѣдній настойчиво высказываетъ, что умъ и его дѣятельность должны быть не на службѣ у личности, а на службѣ общества, народа [7]). Умъ, по ученію Ог. Конта, даже не долженъ

---

[1]) Стран. 284 въ 4 т. сочиненія Конта: *Systeme de politique positive* (Paris, 1851 г.).

[2]) Стран. 280 въ сочиненіи Конта: *Catechisme positiviste* (Deux. edition).

[3]) Ibid. Стран. 275.

[4]) Ibid. Стран. 277 и др.

[5]) Ibid. Стран. 281, 284 и др.

[6]) Стран. 6, 7, 8 и др. въ 13 т. *Собранія сочиненій.*

[7]) Стран. 16 и др. въ 1 т. *Systeme de politique positive.*

и поднимать такихъ вопросовъ, которые невызывались-бы прямымъ благомъ людей. Умственный трудъ, непосредственно не содѣйствующій благу людей, есть неболѣе, какъ безполезное мудрованіе. Любовь къ людямъ должна ставить задачи для разработки, а умъ разрѣшать ихъ [1]). Равнымъ образомъ, и искусство должно имѣть цѣль отнюдь не въ себѣ самомъ. Контъ ставитъ искусству чисто-утилитарную цѣль-выражать и возбуждать исключительно гуманныя чувства [2]).

Спрашивается: во имя чего-же Контъ требуетъ отъ людей, чтобы они отрекались отъ блага личности и всецѣло отдавали себя на службу другимъ? Основанія къ этому у Ог. Конта въ общемъ тѣ же, что́ и у гр. Толстаго. Только общее или коллективное обладаетъ дѣйствительнымъ бытіемъ, а частное или индивидуальное есть не болѣе, какъ призракъ. Человѣчество, по ученію Конта, представляетъ собою самое высшее въ мірѣ органическое существо [3]). Оно мыслится имъ въ качествѣ совокупности прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ существъ, такъ или иначе содѣйствовавшихъ, содѣйствующихъ и имѣющихъ содѣйствовать совершенствованію и благу людей [4]). Это высшее органическое существо и есть, по ученію Ог. Конта, божество для индивидуума, коему послѣдній обязанъ всѣмъ и которому онъ долженъ безусловно подчиняться [5]). Только это высшее существо обладаетъ безспорнымъ бытіемъ и только оно одно представляетъ собою несомнѣнную реальность [6]). Что же касается до личностей, то онѣ существуютъ собственно

---

[1]) Ibid. Стран. 9 и др.

[2]) Ibid. Стран. 300 и др.

[3]) Стран. 263 и др. въ 2 т. *Systeme de pelitique pesitive.*

[4]) Стран. 30, 66 и др. въ 4 томѣ того-же сочиненія.

[5]) Стран. 37 и др. въ книгѣ Робинэ: *Notice sur l'deuvre et sur la vie d' Auguste Comte* (Paris, 1864 г.).

[6]) Стран. 334 въ 1 т. *Systeme de poltique positive.*

лишь въ нашемъ мышленіи, а не въ дѣйствительности [1]). То, что́ мы называемъ личностью, душою, по ученію Конта, есть не иное что, какъ простая совокупность умственныхъ, моральныхъ и другихъ явленій [2]). Само собою разумѣется, что Огюстъ Контъ не могъ приписывать и неприписывалъ свободы воли такому призрачному существу [3]). Не могъ онъ усвоять ему и безсмертія какого-либо, кромѣ безсмертія добрыхъ дѣлъ и жизни въ благодарномъ воспоминаніи потомства [4]). До какой степени гр. Толстой въ этомъ случаѣ слѣдуетъ Конту, это видно изъ слѣдующаго. Французскій мыслитель утверждаетъ, что каждый достойный гражданинъ долженъ надѣяться возродиться въ другомъ послѣ своей смерти [5]). Не тоже ли самое повторяетъ и гр. Толстой, говоря, что одни люди по смерти переходятъ въ другихъ людей [6])?

Если, такимъ образомъ, личность человѣческая представляетъ собою нѣчто, крайне феноменальное и призрачное, то нѣтъ ничего удивительнаго, что Контъ признаетъ за нею лишь долгъ служить другимъ и отрицаетъ всякія ея права [7]).

Сходство между ученіемъ Конта и гр. Толстаго замѣчается и въ мотивахъ, воодушевляющихъ личность на самоотверженное служеніе благу другихъ. Счастіе, недостижимое человѣкомъ при борьбѣ между личностями за блага жизни, представляется вполнѣ осуществимымъ, если каждая изъ нихъ станетъ домогаться не своего блага, а блага другихъ. Жить для другихъ, говоритъ Контъ, значитъ доставлять себѣ неоспоримое и самое великое благо [8]).

---

[1]) Ibid.

[2]) Стран. 68 и др. въ *Catechisme positiviste.*

[3]) Ibid. стр 206 и др

[4]) Стран. 105 и др. въ 1 т. *Systeme de politique positive.*

[5]) Ibid стран. 376 и др.

[6]) Стран 62 въ *Uber Leben.*

[7]) Стран 296 и друг. въ *Catechisme positiviste.*

[8]) Стран. 352 и др. въ 1 т. *Systeme de politique posisive.*

Связь ученія гр. Толстаго съ нравственно-соціальною доктриною Конта, впрочемъ, не идетъ далѣе этихъ общихъ положеній и воззрѣній. Во всемъ же остальномъ между ними чаще замѣчается противоположность, чѣмъ согласіе. Контъ не вывелъ всѣхъ дальнѣйшихъ слѣдствій изъ общихъ началъ своей докрины, допустивъ въ предположенномъ имъ планѣ новой религіозно-общественной организаціи много такого, что́ не вяжется съ ними. Мало того: у Конта недостаточно обоснованы и раскрыты и общія начала его доктрины. То, чего не могъ найти гр. Толстой у французскаго мыслителя, съ избыткомъ обрѣлъ въ философскомъ ученіи родственнаго во многихъ отношеніяхъ съ Контомъ нѣмецкаго мыслителя—Шопенгауэра [1]). Ученіе послѣдняго всего болѣе давало гр. Толстому основаній и указаній для выработки доктрины, существенной идеею коей является отреченіе отъ блага личности и всецѣлое служеніе благу другихъ. Сопоставляя философское ученіе Шопенгауэра съ подробностями ученія гр. Толстаго, невольно поражаешься тѣмъ, какое подавляющее вліяніе произвелъ первый на послѣдняго.

Сперва сдѣлаю нѣсколько общихъ замѣчаній касательно совпаденія взглядовъ Шопенгауэра и гр. Толстаго, а затѣмъ перейду къ подробностямъ, спеціально относящимся къ предмету моей рѣчи. Для Шопенгауэра, какъ и для гр. Толстаго, не существуетъ никакого инаго откровенія, кромѣ откровенія, заключающагося въ мысляхъ мудрецовъ [2]). По мнѣнію и Шопенгауэра, І. Христосъ есть лишь одинъ изъ мудрецовъ, хотя и величайшій, но не Богочеловѣкъ [3]) Ставя весьма высоко уче-

---

[1]) На родство между философскимъ направленіемъ Ог. Конта и Шопенгауэра справедливо указываетъ, между прочимъ, и проф. Козловъ (см стран. 264 и 265 во 2 выпускѣ книги: *Сущность мирового процесса или философія безсознательнаго*).

[2]) Стран. 387 въ 6 т. *Sämmtliche Werke* Шопенгауэра (Leipzig, 187⅓ г).

[3]) Стран. 109 во 2 т *S. Werke.*

ніе І. Христа сравнительно съ другими религіозными ученіями, Шопенгауэръ считаетъ великой отличительной заслугою его заповѣдь о любви и рѣзко противополагаетъ его ветхозавѣтному ученію [1]). Существенную сторону христіанства Шопенгауэръ усматриваетъ въ его духѣ и морали, а не въ томъ, что́ церковь называетъ догматами. Послѣдніе, по его взгляду, суть миѳы [2]). Какъ гр. Толстой, такъ и Шопенгауэръ противорѣчитъ себѣ во взглядѣ на сущность религіи. Съ одной стороны, онъ справедливо признаетъ не только шаткость, но и невозможность этики безъ метафизической основы [3]). Съ другой-же, утверждаетъ, будтобы опора и сила всякаго вѣроученія заключается въ нравственной его части [4]). Относительно христіанства Шопенгауэръ замѣчаетъ. будтобы истинный смыслъ его ученія забытъ [5]) и будтобы духовенство представляетъ собою главную помѣху къ принятію людьми ученія истины [6]). Все это находимъ и у гр. Толстаго. Далѣе, какъ послѣдній истолковываетъ христіанскіе догматы въ смыслѣ, благопріятномъ для его нравственно-соціальной доктрины. такъ раньше поступалъ и Шопенгауэръ. Онъ говоритъ о вѣрѣ, о грѣхопаденіи, о первородномъ грѣхѣ, о грѣхѣ вообще, объ искупленіи, о спасеніи, о благодати и о другихъ предметахъ, о коихъ трактуютъ Слово Божіе и богословская наука. но истолковываетъ ихъ въ духѣ своего міровоззрѣнія [7]). Вложивши въ христіанскіе догматы чуждый имъ смыслъ, Шопенгауэръ категорически заявляетъ, что его собственное ученіе вполнѣ согласно съ ними и даже въ

---

[1]) Стран. 226 въ 4 т. и стран. 713 и др. въ 3 т. *S. Werke.*

[2]) Стран. 374, 389 и др. въ 6 томѣ *S. Werke.*

[3]) Стран. 261 и др. въ 4 томѣ *S. Werke.*

[4]) Стран. 427 въ 2 томѣ *S. Werke.*

[5]) Ibid. стран. 480.

[6]) Стран. 360 и др. въ 6 т *S. Werke.*

[7]) Стран. 388, 463, 464 и друг. во 2 т. *S. Werke.*

существенномъ содержалось въ нихъ [1]). Подвергнувши произвольному истолкованію и христіанское ученіе о нравственности, Шопенгауэръ тоже увѣряетъ, будтобы и оно ближе всего къ его собственной этикѣ [2]). Оставляя подробности, укажу только на то, что Шопенгауэръ выдаетъ христіанское ученіе о любви къ людямъ за совершенно тожественное съ его ученіемъ о состраданіи [3]). Замѣчательно, что и гр. Толстой, позаимствовавши у Конта понятіе о любви къ людямъ, однако склоняется къ отожествленію его съ понятіемъ о состраданіи.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній о тожествѣ взглядовъ Шопенгауэра и гр. Толстаго обратимся къ болѣе частнымъ и болѣе важнымъ для насъ въ данномъ случаѣ. Уже изъ одного изложенія мыслей Шопенгауэра, безъ всякихъ съ моей стороны указаній на тѣсную связь съ ними возрѣній гр. Толстаго, внимательный человѣкъ самъ увидитъ, какъ зависимъ нашъ отечественный писатель отъ нѣмецкаго философа-пессимиста.

Личность и эгоизмъ, по воззрѣнію Шопенгауэра, неотдѣлимыя одно отъ другаго понятія [4]). Главная и основная пружина, движущая личностью, есть стремленіе къ собственному благополучію. Это стремленіе самымъ тѣснымъ образомъ сливается съ внутреннимъ существомъ личности и даже тождественно съ нимъ. Каждая личность дѣлаетъ себя центромъ всего и всё оцѣниваетъ по отношенію къ ея собственному благополучію [5]). Не только любовь между супругами, кровными родственниками и т. под., но и самая нѣжная дружба, поэтому, не есть безкорыстная любовь. Всякая

---

[1]) Ibid. стран. 483.

[2]) Ibid. стран. 456.

[3]) Стран. 217 въ 6 т. *S. Werke.*

[4]) Стран. 391 и др. во 2 т. *S. Werke.*

[5]) Ibid. стран. 392 и др. См. также стран. 196 и др. въ 4 т. *S. Werke.*

такая предпочтительная любовь эгоистична. Присутствіе тѣхъ, на кого обращена она, удовлетворяетъ нашему эгоистическому стремленію къ собственному благополучію [1]). Всякая такая любовь, какъ исходящая изъ эгоизма и служащая его цѣлямъ, не есть добро. Истинная любовь предполагаетъ полное отсутствіе всяческой эгоистической примѣси и совершенно безкорыстна [2]). Тогда какъ предпочтительная эгоистическая любовь необходимо связана съ борьбою между людьми за блага жизни, истинная любовь внушаетъ пожертвованіе ими въ пользу другихъ. Она есть не иное что, какъ сожалѣніе къ страждущимъ. Всякая любовь, какую бы мы ни представили себѣ, говоритъ Шопенгауэръ, есть своекорыстіе, коль скоро она—не состраданіе [3]).

Но если эгоизмъ неотдѣлимъ отъ личности и если всякая любовь, исходящая отъ ней, своекорыстна, то что́ же требуется для того, чтобы человѣкъ сдѣлался способнымъ къ истинной любви? Необходимо ясно познать недостижимость блага личности, ея призрачность и тожественность между собою враждующихъ и борющихся другъ съ другомъ сознательныхъ существъ. Такое познаніе нетолько возможно, но и неизбѣжно для человѣка. Хотя и животныя—такія же личности, какъ и человѣкъ, хотя и имъ свойственно сознаніе [4]), но они лишены разумнаго сознанія [5]). Человѣку въ отличіе отъ животныхъ, говоритъ Шопенгауэръ, дано *двойное* познаніе [6]). Онъ имѣетъ не только умъ, но и разумъ—λόγος [7]). Благодаря послѣднему, люди спо-

---

[1]) Стран. 444 и др. въ 2 т. *S. Werke.*

[2]) Стран. 207 и др. въ 4 т. *S Werke.*

[3]) Стран. 444 въ 2 т. *S. Werke.*

[4]) Стран 239 въ 4 т. *S Werke.*

[5]) Стран. 43 и 101 въ 2 т. *S. Werke.*

[6]) Ibid. Стран. 180.

[7]) Ibid стран 45.

собны къ выработкѣ понятій о вещахъ и вообще къ мышленію, къ сознанію какъ настоящаго, такъ прошедшаго, и будущаго, къ религіи, къ философіи, къ наукѣ, къ сознательной нравственности и т. под. [1]). Единственно въ *познаніи*, пріобрѣтаемомъ посредствомъ разума, и заключается для людей какъ возможность признать недостижимость блага личности и ея призрачность, такъ и возможность самоотверженной любви къ другимъ, связанной съ признаніемъ тожественности страдающихъ и избавляющихъ отъ страданій [2]). Что же открываетъ человѣку и какъ пробуждается въ немъ его разумное сознаніе?

Оно прежде всего внушаетъ ему, что, какъ бы онъ ни старался достигнуть личнаго блага, ему никогда не суждено овладѣть имъ. Страданія — удѣлъ человѣческой жизни. Непрестанныя усилія устранить страданія приводятъ не къ чему-либо другому, а только къ измѣненію ихъ формы. Пусть она первоначально — недостаточность, нужда, забота о поддержаніи жизни. Если удалось устранить страданіе въ этой формѣ, то оно тотчасъ появляется подъ тысячью другихъ, мѣняющихся согласно возрасту и обстоятельствамъ, въ видѣ половаго побужденія, страстной любви, ревности, зависти, ненависти, боязни, честолюбія, корыстолюбія, болѣзни, страха смерти и проч. Если же наконецъ оно не можетъ найти доступа ни въ какой изъ этихъ формъ, то является въ видѣ пресыщенія и скуки [3]).

Разумное познаніе, далѣе, открываетъ человѣку, что онъ напрасно видитъ въ своей личности нѣчто самостоятельное, устойчивое и непреходящее. То, что мы называемъ личностью. душою, лишено всякой субстанціальности и представляетъ собою нѣчто мимолетное и уничтожимое. Личность, душа есть не болѣе,

---

[1]) Стран 148 и др. въ 4 т. *S. Werke.*

[2]) Ibid. стран. 52 и др.

[3]) Стран 371 и др. въ 2 т. *S. Werke.*

какъ функція нашего тѣла, и уничтожается вмѣстѣ съ нимъ [1]). Можно сказать, что тѣло наше, подверженное постоянному отбрасыванію матеріи въ видѣ дыханія и изверженій разнаго рода, непрестанно приближается къ смерти [2]). Жизнь нашего тѣла, а слѣдов. и нашего я, есть только трудно задерживаемое умираніе, постоянно отодвигаемая, но приближающаяся смерть [3]). Что́ же касается сознанія, связаннаго съ личностью, то развѣ не видимъ мы, что оно ежедневно прерывается во время сна? Глубокій сонъ нисколько не отличается отъ смерти въ отношеніи къ сознанію [4]). Измѣняемость же его—несомнѣнный фактъ, очевидный уже изъ измѣняемости тѣла. Устойчива и неизмѣняема лишь та общая сущность. которая лежитъ въ основаніи всѣхъ вещей и существъ міра, а все остальное измѣнчиво и мимолетно [5]).

Къ этому признанію призрачности человѣческой личности и недостижимости ея блага человѣкъ такъ или иначе, но неизбѣжно приходитъ. Если не разумъ, то великія несчастія и страданія, испытываемыя человѣкомъ, или ужасъ надвигающейся смерти насильственно навязываютъ ему познаніе призрачности его личности и недостижимости ея блага [6]). Только разумъ, ложно направленный и помраченный фальшивыми ученіями, способенъ закрывать или затемнять для человѣка истину, чрезъ то увеличивая зло и бѣдствія его жизни [7]).

Однако, недостаточно того только, чтобы разумное сознаніе открыло человѣку неустранимую ничѣмъ

---

[1]) Стран. 537 и др. въ 3 т. *S. Werke.*

[2]) Стран. 326 и 327 въ 2 т. *S. Werke*

[3]) Ibid. стран. 367.

[4]) Стран. 535 и др. въ 3 т. *S. Werke.*

[5]) Ibid. стран. 538 и друг.

[6]) Стран. 466 и др. въ 2 т. *S. Werke.*

[7]) Ibid. стран. 102 и друг.

бѣдственность его личной жизни и призрачность его индивидуальности. Открывая человѣку единство сущности, лежащей въ основаніи всѣхъ вещей и существъ и обнаруживающейся въ нихъ, разумное сознаніе указываетъ человѣку и истинную причину *кажущейся* множественности и отдѣльности существъ. Всякая множественность и численная различимость существъ для разумнаго сознанія представляется не болѣе, какъ своего рода оптическимъ обманомъ. Причина послѣдняго заключается въ присущей нашему уму идеѣ пространства и времени. То и другое, будучи лишь достояніемъ нашей познавательной способности, непринадлежатъ самымъ существамъ и вещамъ міра [1]). Только пространство и время, по выраженію Шопенгауэра, есть истинный и дѣйствительный principium individuationis, т. е. настоящая причина кажущейся множественности и численной различимости индивидуумовъ [2]). Вмѣстѣ съ разрушеніемъ идеи достижимости блага личности и ея устойчивости разумное сознаніе уничтожаетъ, такимъ образомъ, и ту твердую грань, которая обыкновенно отдѣляетъ одного человѣка отъ другаго. Въ человѣкѣ является увѣренность, что различіе *я* и *ты* призрачно и что это *я* постольку же существуетъ во всѣхъ и во всемъ, поскольку—и въ собственной особѣ [3]). Истинная жизнь послѣ этого представляется человѣку лишь въ настоящемъ, а не въ прошедшемъ или будущемъ. Я *есмь*, говоритъ о себѣ человѣкъ [4]).

Только тогда, когда люди познаютъ все это, дѣлаются для нихъ возможными вполнѣ безкорыстная любовь къ другимъ существамъ и самоотверженная дѣятельность для избавленія ихъ отъ страданій. Кто достигъ до такого познанія, для того становится ясно, что

---

[1]) Стран. 267 и др. въ 4 т. *S. Werke.*

[2]) Стран. 391 и др. въ 2 т. *S. Werke.*

[3]) Ibid. Стран. 417.

[4]) Ibid. Стран. 333.

такъ какъ каждый другой человѣкъ есть въ сущности онъ же самъ, то и всякое страданіе, причиняемое другому, обрушивается и на него самаго [1]). Мало того: онъ понимаетъ, что причиняющій и испытывающій обиду, мучитель и мучимый—одно и тоже существо [2]). Признавши себя самаго, свое я, въ каждомъ существѣ, человѣкъ уже не можетъ не стремиться къ облегченію чьихъ бы то ни было страданій [3]). Понять обманчивость principii individuationis и творить дѣла любви—одно и тоже. Послѣднія представляютъ *неизбѣжный* симптомъ таковаго познанія [4]). Разумному познанію уступаетъ самый злой характеръ человѣка, бывающій обыкновенно *прирожденнымъ*, какъ и противоположный ему [5]). Человѣка съ самымъ эгоистическимъ сердцемъ можно направить къ совершенію человѣколюбивыхъ поступковъ посредствомъ убѣжденія, что утоленіе чужихъ страданій ведетъ такъ или иначе къ собственной его выгодѣ [6]).

Человѣкъ, у коего, благодаря разумному сознанію, открылось сердце для сострадательнаго отношенія ко всѣмъ страждущимъ, живетъ и дѣйствуетъ по принципу: *никому не вреди и всѣмъ, сколько можешь, помогай* [7]). Боязнь причинить кому-либо малѣйшій вредъ выражается, между прочимъ, въ слѣдующемъ. Отрекшійся отъ блага своей личности, понявшій ея призрачность и гибельность и постигшій тожественность съ собою другихъ существъ не можетъ допускать какого-либо возмездія за причиненное зло. Для такого человѣка было-бы неестественно противиться злому какимъ-нибудь на-

---

[1]) Ibid. стран 417.

[2]) Ibid. стран. 418.

[3]) Ibid. стран. 440 и 441.

[4]) Ibid. стран. 441.

[5]) Ibid. стран. 477 и др. Ср. стр. 254. въ 4 т. *S. Werke.*

[6]) Ibid.

[7]) Стран. 212 въ 4. т. *S. Werke.*

силіемъ надъ нимъ и платить зломъ за зло [1]). Не допускаетъ онъ не только личной расправы съ злымъ человѣкомъ, но и посредственной, выражающейся въ обращеніи къ государственной власти и ея органамъ, ибо государство всетаки служитъ человѣческому эгоизму [2]). Самый гнѣвъ противъ людей несовмѣстенъ съ обладаніемъ истиннымъ познаніемъ. Не гнѣвъ, а снисходительность внушается этимъ послѣднимъ въ отношеніи ко всякой человѣческой глупости, пороку и промаху, ибо вѣдь это—наша же глупость, нашъ порокъ, нашъ промахъ [3]). Проникнутый разумнымъ познаніемъ не только избѣгаетъ блуда, но и охотно обрекаетъ себя на полное цѣломудріе [4]). Никому не вредя, проникнутый разумнымъ сознаніемъ и его требованіями избѣгаетъ постороннихъ услугъ себѣ. отказывается отъ своего имущества въ пользу другихъ и служитъ благу другихъ всѣмъ, что̀ въ его власти и силахъ, доводя это служеніе до полнаго самоотреченія и самоотверженія [5]). Сострадательная самоотверженная дѣятельность мудреца одинаково обращена и на животныхъ. Онъ отрицаетъ только обязанности въ отношеніи къ себѣ самому и свои права [6]). Обязанности же свои къ животнымъ и ихъ права онъ всегда живо и глубоко сознаетъ [7]). Да и какъ не сознавать ихъ, когда сущность природы животныхъ и нашей тожественна [8])?

Отрекаясь отъ блага своей личности и отдаваясь сострадательнымъ подвигамъ въ пользу другихъ существъ и людей, человѣкъ, какъ бы ни казалось без-

---

[1]) Стран. 423 во 2 т. *S. Werke.*

[2]) Ibid. стран. 408 и др.

[3]) Стран. 327 въ 6 т. *S. Werke.*

[4]) Стран. 449 во 2 т *S. Werke.*

[5]) Ibid. стр. 438 и др.

[6]) Стран. 126 и др. въ 4 т. *S Werke.*

[7]) Ibid стран. 161 и др.

[8]) Ibid. стран. 239 и 240.

радостнымъ и тяжелымъ его положеніе, на самомъ дѣлѣ счастливъ [1]). Да и отъ чего ему быть злополучнымъ? Для него не только не страшны, но, напротивъ, желанны и пріятны какъ страданія, такъ и самая смерть ради блага другихъ [2]). Источника-же страданій, заключающагося въ жаждѣ житейскихъ благъ, въ зависти къ ихъ обладателямъ и проч., для него вовсе не существуетъ [3]).

Всѣ эти воззрѣнія и мысли Шопенгауэра не суть-ли въ тоже время воззрѣнія и мысли гр. Толстаго? Полагаю, для всякаго ясно, кто у кого позаимствовалъ ихъ. Даже идея матеріальнаго благосостоянія, какъ основы человѣческаго благоденствія, къ коей тяготѣетъ нравственно-соціальная доктрина гр. Толстаго, дана ему не соціалистами только, но и Шопенгауэромъ. Базисомъ того, чѣмъ является человѣкъ, служитъ, по воззрѣнію Шопенгауэра, наша животная природа. Поэтому, самое существенное для нашего благоденствія суть, вмѣстѣ съ здоровьемъ, матеріальныя средства къ нашему содержанію [4]). Какъ ни разнообразны формы, въ которыхъ проявляется и преслѣдуется счастіе, но всѣ онѣ, по словамъ Шопенгауэра, имѣютъ одну и туже матеріальную основу [5]). Къ тому же, чѣмъ болѣе человѣкъ ограничиваетъ свои потребности и вожделѣнія самымъ тѣснымъ кругомъ, тѣмъ болѣе для него шансовъ на благоденствіе. Довести самые духовные запросы свои до послѣдняго minimum'а и возможно болѣе съузить кругъ своей дѣятельности значитъ осчастливить себя [6]). Не это-ли воззрѣніе Шопенгауэра лежитъ въ основаніи всего того, что́ говоритъ гр. Тол-

---

[1]) Стран. 461 во 2 т. *S. Werke.*

[2]) Ibid. стран. 464 и др.

[3]) Ibid. стран. 461 и др.

[4]) Стран. 375 въ 5 т *S. Werke.*

[5]) Стран. 314 въ 6 т. *S. Werke.*

[6]) Стран. 443 и др. въ 5 т. *S. Werke.*

стой о разныхъ духовныхъ потребностяхъ человѣка и о чувственныхъ, какъ якобы важнѣйшихъ изъ всѣхъ? Для меня несомнѣнна нѣкоторая зависимость нашего писателя отъ Шопенгауэра и въ этомъ отношеніи.

Но, какъ ни много общаго между воззрѣніями знаменитаго нѣмецкаго пессимиста и его вліятельнаго послѣдователя, тѣмъ не менѣе между ними есть и весьма важное различіе. По ученію Шопенгауэра воля есть единственное начало и единственная сущность міра, раскрывающаяся и дѣйствующая во всемъ безконечномъ разнообразіи его предметовъ и явленій [1]). Съ другой стороны, Шопенгауэръ послѣдней цѣлію жизни и дѣятельности человѣка поставляетъ совершенное погашеніе всякой жажды бытія и потому проповѣдуетъ замкнутый въ себѣ суровый аскетизмъ, высшимъ выраженіемъ коего служитъ добровольно избранная голодная смерть [2]). Не принявши ученія Ог. Конта о человѣчествѣ, какъ высшемъ органическомъ существѣ, возведенномъ на степень нѣкоего страннаго божества, гр. Толстой не принялъ и ученія Шопенгауэра о волѣ, какъ единственной сущности міра. Исходя изъ чисто эвдемонистическаго представленія о цѣли жизни, какъ счастіи здѣсь на землѣ, гр. Толстой отшатнулся и отъ ученія Шопенгауэра объ отреченіи отъ воли къ жизни и объ аскетическомъ самоумерщвленіи человѣка.

Что́ лучше принять за основу міра, на это находилъ гр. Толстой нѣкоторыя указанія даже у самого Шопенгауэра. У послѣдняго разумъ играетъ необычайную роль, какъ принципъ познанія и какъ условіе нравственнаго перерожденія человѣка. Видя въ разумѣ не болѣе, какъ одно изъ проявленій воли, этой міровой субстанціи, Шопенгауэръ, однако, приписываетъ ему въ-концѣ-концовъ способность и возможность одерживать полную побѣду надъ всеобщимъ началомъ бытія

---

[1]) Стран. 131 и др. во 2 т. *S. Werke.*

[2]) Ibid. стран. 474.

и жизни. Уже это противорѣчіе Шопенгауэра могло наводить гр. Толстаго на мысль о разумѣ, какъ о міровой субстанціи. Вліяніе же Гартмана несомнѣнно имѣло здѣсь рѣшающее значеніе. По ученію этого нѣмецкаго философа, единою субстанціею всего сущаго должно признать разумное, но безсознательное начало, коему свойственны два аттрибута: воля и представленіе [1]). Этой единой міровой сущности, которую Гартманъ называетъ безсознательнымъ, онъ усвояетъ самыя разнообразныя абсолютныя качества: не только вѣчность, вездѣсущіе и т. под., но и премудрость [2]) Вообще безсознательное Гартмана есть не иное что, какъ абсолютный міровой разумъ, проявляющійся и дѣйствующій въ мірѣ, но, однакоже, чуждый сознанія, слѣдов. безличный. Мысль о таковомъ разумѣ и положилъ гр. Толстой въ основаніе своего нравственно-соціальнаго ученія. Нашъ знаменитый писатель слѣдуетъ не иному кому, а Гартману-же, усматривая въ первыхъ стихахъ первой главы евангелія отъ Іоанна мысль о безличномъ міровомъ разумѣ. Гартманъ, подобно нѣкоторымъ раціоналистамъ, видитъ въ евангельскомъ ученіи о Богѣ-Словѣ отраженіе ученія древнеалександрійской философіи о Логосѣ [3]).

Гр. Толстой, впрочемъ, не ограничился этими только позаимствованіями у Гартмана, а допустилъ и нѣкоторыя иныя. Изъ нихъ укажу для примѣра лишь на слѣдующія. Мысль гр. Толстаго о томъ, что цѣлію міроваго процесса должно быть безконечное просвѣщеніе и единеніе всѣхъ существъ міра, не есть-ли своеобразное повтореніе словъ Гартмана о томъ, что должно всемѣрно стараться о возможно-бо́льшемъ рас-

---

[1]) Стран. 412—460 во 2-й части сочиненія: *Philosophie des Unbewussten* (7-е изданіе, Берлинъ, 1876 г.).

[2]) Ibid. 274 и друг.

[3]) Стран. 206 въ *Briefe über die christl. Religion* von Müller (псевдонимъ). На эту книгу указываетъ Гартманъ-же на стр. 355 въ сейчасъ цитованномъ сочиненіи его (2-я часть).

ширенiи сферы сознательнаго разума въ мірѣ и слѣдов. объ объединенiи по возможности всѣхъ существъ міра [1])? У Гартмана-же легко могъ найти нашъ знаменитый писатель увѣренiя въ томъ, будтобы І. Христосъ требовалъ отреченiя отъ личности и всякаго ея блага, воспрещалъ половую любовь и бракъ, порицалъ родственныя связи и чувствованiя, отвергалъ государство и т. д. [2]). Различiе между нашимъ писателемъ и Гартманомъ въ этомъ случаѣ состоитъ лишь въ томъ, что послѣдній, произвольно приписывая І. Христу таковыя мысли, осмѣливается осуждать Его и глумиться надъ Нимъ, а первый почитаетъ ихъ за доказательство особой возвышенности и несомнѣнной истинности ученiя Спасителя.

Итакъ, вотъ кто—учители гр. Толстаго! Вотъ—источники того ученiя, съ коимъ онъ выступилъ! Не странно-ли же настаивать на томъ, будто онъ—самобытный мыслитель и внимательный ученикъ І. Христа? Ничего такого рѣшительно нельзя сказать о нашемъ знаменитомъ писателѣ. Онъ возвѣщаетъ не свое ученiе, а „смѣсь“ изъ чужихъ ученiй, сплавленную въ его мышленiи и превращенную въ нѣчто цѣлое. Не только внимательнымъ, но и никакимъ ученикомъ І. Христа онъ не былъ и не есть. Ошибочна и та мысль, будтобы ученiе гр. Толстаго выросло и развилось на христiанско-сектантской почвѣ [3]). Говорящiе это забываютъ, что если бы и можно было отыскать секту, родственную по основнымъ своимъ началамъ съ доктриною нашего писателя, всетаки изъ этого отнюдь не выходило-бы, будто она возникла на христiанской почвѣ. Секты,

---

[1]) См. во 2-й части цитов. сочиненiя Гартмана 14-ю главу: «Цѣль мірового процесса и значенiе сознанiя» (стран. 391—411).

[2]) Стран. 102, 113, 126, 127 и 137 въ *Briefe über die christl. Religion* (сочиненiе это приписывается Гартману). Ср. стран. 355 и др. во 2-й части сочиненiя: *Philosophie des Unbewussten.*

[3]) Слова г. Страхова на стран. 117 и др. въ 9 кн. *Вопросовъ философiи и психологiи.*

между коими и ученіемъ гр. Толстаго замѣтны нѣкоторыя аналогіи, сами возникли и образовались подъ вліяніемъ отнюдь не евангельскихъ идей, а чисто-философскихъ воззрѣній то пантеистическаго, то дуалистическаго характера. Евангельское-же и вообще христіанское ученіе лишь эксплоатировалось такими сектами, какъ оно эксплоатируется и нашимъ отечественнымъ писателемъ. Тѣмъ болѣе, наконецъ, странно утверждать, будтобы для него І. Христосъ съ Своимъ ученіемъ есть высшій, ни съ чѣмъ не сравнимый, авторитетъ, воплощенная истина [1]). Такое воззрѣніе на І. Христа нисколько не оправдывается ни общимъ характеромъ и подробностями ученія гр. Толстаго, ни основнымъ его началомъ. І. Христосъ съ Его ученіемъ для гр. Толстаго, полагающаго сущностью и основою всего безсознательное разумное начало, есть такое-же проявленіе этого послѣдняго въ Его индивидуальномъ разумѣ, какъ Будда, Конфуцій и другіе мудрецы съ ихъ ученіями. Съ точки зрѣнія гр. Толстаго и его собственное міровоззрѣніе точно также есть одно изъ проявленій безсознательнаго міроваго разума въ его индивидуальномъ разумѣ. Мало того: такъ какъ откровеніе всеобщаго разума въ индивидуальныхъ умахъ мудрецовъ идетъ прогрессивно, то гр. Толстой несомнѣнно считаетъ свое міровоззрѣніе наиболѣе точнымъ и яснымъ откровеніемъ въ его разумномъ сознаніи абсолютнаго разума. Недаромъ же нашъ знаменитый писатель такъ свободно распоряжается даже ученіемъ самого Спасителя міра. Во всякомъ же случаѣ для гр. Толстаго вообще не можетъ быть никакого инаго авторитета, кромѣ голоса его внутренняго сознанія и разума. Гр. Толстой — самый рьяный раціоналистъ, раціоналистъ по принципу, и для него ученіе І. Христа имѣетъ постольку значенія, поскольку имъ можно воспользоваться для наиболѣе успѣшной пропаганды

[1]) Слова г. Страхова же на стран. 109—110 и др. въ названной книжкѣ того-же журнала.

чуждаго ему ученія. Думать же иначе объ отношеніи гр. Толстаго къ І. Христу и Его ученію можетъ только или разсчетливая недобросовѣстность, или самоувѣренное невѣжество. Насколько противоположно ученіе Спасителя ученію гр. Толстаго, раскрытіе этого составляетъ, между прочимъ, задачу дальнѣйшей части моей рѣчи.

III.

Какъ ни кажется изложенное ученіе нашего вліятельнаго писателя возвышеннымъ и основательнымъ на поверхностный взглядъ, на самомъ дѣлѣ оно представляется весьма грубымъ и совершенно несостоятельнымъ. Оно должно быть признано не только искажающимъ. но и отрицающимъ христіанское ученіе о любви къ людямъ. Въ немъ нѣтъ основаній не только для признанія кого-либо нравственнымъ законодателемъ, но и для признанія кого-либо нравственно-дѣйствующимъ субъектомъ, обязаннымъ и способнымъ выполнять „законъ“ любви. Вотъ что хотѣлось бы мнѣ по возможности выяснить и доказать теперь. Спервa обращусь къ ученію о міровомъ безличномъ разумѣ, какъ мнимомъ источникѣ и виновникѣ „закона“ любви.

А) По христіанскому ученію не безличный міровой разумъ, а живой личный Богъ, какъ полнота всѣхъ совершенствъ [1]), какъ воплощеніе любви [2]), есть единственный нравственный Законодатель [3]), давшій намъ и заповѣдь о любви къ нашимъ ближнимъ и обязывающій насъ выполнять ее [4]). Въ В. Завѣтѣ самъ Богъ представляется говорящимъ съ Моисеемъ и чрезъ него заповѣдующимъ всему израильскому народу, между прочимъ, слѣдующую заповѣдь: *люби ближняго твоего,*

---

[1]) Матѳ. 5, 48. Лук. 18, 19.

[2]) 1 Іоан. 4, 16.

[3]) Іак. 4, 12.

[4]) Іоан. 15, 10.

какъ самаго себя [1]). Въ Н. Завѣтѣ сообщается, что Господь нашъ І. Христосъ особенно внушалъ и подробно раскрывалъ эту же заповѣдь. *Сія заповѣдь Моя*, говоритъ Онъ, *да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ* [2]). Виновникомъ этой заповѣди считали Спасителя и непосредственные Его ученики. Заповѣдь І. Христа, говоритъ св. апостолъ Іоаннъ, состоитъ въ томъ, чтобы мы любили другъ друга такъ, какъ Онъ заповѣдалъ намъ [3]).

Между тѣмъ, по ученію гр. Толстаго выходитъ, будтобы даже въ Новомъ Завѣтѣ представляется виновникомъ „закона любви“ безличный міровой разумъ, тожественный съ Богомъ - Словомъ, о Которомъ говорится въ первыхъ стихахъ первой главы евангелія отъ Іоанна. Такое мнѣніе о тожествѣ Бога - Слова съ безличнымъ міровымъ разумомъ нельзя не признать совершенно произвольнымъ и ложнымъ. Богъ - Слово есть воплотившійся единородный Сынъ Божій, Господь нашъ І. Христосъ, а не какое-либо безличное міровое начало.

Слово, о Которомъ говоритъ св. евангелистъ Іоаннъ, представляется несомнѣнно личнымъ существомъ, а не безличной какой - либо сущностью. Будучи совѣчнымъ Богу, Слово это изображается въ первыхъ стихахъ первой главы евангелія отъ Іоанна творцомъ міра, а не безличной сущностью его. *Чрезъ Него*, говоритъ Апостолъ, *всѣ начало быть* [4]). Умѣстна-ли такая рѣчь, еслибы Слово было безличнымъ міровымъ разумомъ? Тогда было бы сказано, что все есть раскрытіе и обнаруженіе Его, но не твореніе, отдѣльное отъ Него. О Словѣ говоритъ потомъ евангелистъ, что Оно было послано въ міръ для свидѣтельствованія истины [5]). Но

---

[1]) Лев. 19, 18.

[2]) Іоан. 15, 12.

[3]) 1 посл. 3 гл. 23 ст.

[4]) Іоан. 1, 3.

[5]) Ibid. ст. 8.

развѣ примѣнимо такое посольство къ понятію о міровомъ безличномъ разумѣ, вовсе не существующемъ отдѣльно отъ міра и сливающемся съ нимъ въ одно нераздѣльное цѣлое? Посылать его некому. Къ тому-же, какъ посылающій, такъ и посылаемый не могутъ мыслиться безличными сущностями, а должны быть непремѣнно существами сознательными и свободными. Далѣе, о Словѣ говорится, что Оно пришло къ своимъ, а свои Его не приняли [1]). Еслибы это Слово было разумной безличной сущностью міра, то развѣ могли-бы существовать для Него „не свои“ и развѣ мыслимо было-бы непринятіе Его кѣмъ-нибудь? За тѣмъ, евангелистъ повѣствуетъ о Словѣ, что Оно дало увѣровавшимъ въ Него власть быть чадами Божіими [2]). Это тоже совершенно несогласимо съ понятіемъ о Словѣ, какъ о міровомъ безличномъ разумѣ. Безличная сущность міра не предполагаетъ ни требованія вѣры въ себя, ни сознанія власти, ни различенія между чадами и не чадами. О Словѣ говоритъ евангелистъ, что Оно стало плотію и обитало съ нами, полное благодати и истины [3]). Очевидно, и это не приложимо къ безличному міровому разуму, всегда воплощающемуся въ существахъ и предметахъ міра и не отдѣлимому отъ нихъ. Наконецъ, евангелистъ говоритъ о себѣ, объ Іоаннѣ Крестителѣ и о многихъ другихъ современникахъ своихъ, что они видѣли воплотившееся Слово и что Оно—не иной кто, какъ І. Христосъ, единородный Сынъ Божій, вочеловѣчившійся ради спасенія людей [4]).

Такимъ образомъ, Слово, о Коемъ говорится въ евангеліи отъ Іоанна, отнюдь не есть какой-то безличный міровой разумъ. Напротивъ, Оно—личное всесовершенное существо, воплотившійся для блага чело-

---

[1]) Ibid. ст. 11.

[2]) Ibid. ст. 12.

[3]) Ibid. ст. 14.

[4]) Ibid. стихи: 14, 15, 29—30 и 34—37.

вѣчества единородный Сынъ Божій. Только потому, что это Слово — живое божественное Лицо, Оно есть Источникъ и заповѣди о любви къ людямъ.

Что же касается безсознательнаго міроваго разума, то въ высшей степени странно представлять его источникомъ „закона“ любви. Имъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть безличный міровой разумъ. Любовь непремѣнно предполагаетъ не только ясное различеніе ея отъ ненависти и отъ всякихъ другихъ противоположныхъ ей сердечныхъ и волевыхъ движеній, но и признаніе ея такимъ чувствомъ, которое само по себѣ имѣетъ высокую нравственную цѣнность и въ тоже время способно служить источникомъ блага для любящихъ и любимыхъ.

Но развѣ допустимо все это въ безсознательномъ міровомъ разумѣ? Для субъекта, чуждаго сознанія, не существуетъ ни того, что́ въ немъ самомъ происходитъ, ни того, что́ совершается вокругъ него. Всякій знаетъ, что если человѣкъ находится въ совершенно безсознательномъ состояніи, то онъ не только не замѣчаетъ ничего, происходящаго близъ него, но даже не ощущаетъ самыхъ жгучихъ и мучительныхъ болей, причиняемыхъ ему болѣзненными-ли процессами, совершающимися въ его тѣлѣ, или производимой надъ нимъ тяжкою операціею. Обладаніе какимъ-бы то ни было разумомъ ничего неизмѣняетъ въ состояніи существа, погруженнаго въ безсознательность. Спрашивается: какъ же міровой безсознательный разумъ можетъ устанавливать „законъ“ любви? Чтобы такой „законъ“ могъ исходить отъ него, требуется высокая степень сознательности въ міровомъ разумѣ. Послѣдній долженъ безусловно ясно сознавать все то, что́ касается до любви съ ея противоположностями, до страданій, происходящихъ въ мірѣ отъ господства эгоизма, и до всеобщаго блага, способнаго осуществиться при водвореніи любви въ сердцахъ живущихъ существъ.

Никакими ссылками на проявленія безсознательной высокой разумности въ инстинктахъ животныхъ и въ

жизни человѣческаго духа никакъ нельзя доказать возможности для безсознательнаго міроваго разума законоустанавливающей и цѣлеполагающей дѣятельности. Существованіе въ животныхъ инстинкта, дѣлающаго ихъ способными къ весьма цѣлесообразнымъ безсознательнымъ дѣйствіямъ, заставляетъ предполагать не въ нихъ, но въ Творцѣ ихъ высокую степень сознательности. Только благодаря присущему Ему сознанію, Творецъ ясно представляетъ Себѣ цѣль, которая должна осуществляться тѣмъ или инымъ животнымъ въ будущемъ, и избираетъ вѣрныя средства, ведущія къ ней, организуя такимъ образомъ животное въ высшей степени законосообразно и цѣлесообразно. Откажите Творцу міра въ сознательности, и тогда всѐ законосообразное и цѣлесообразное въ мірѣ превратится для насъ въ неразрѣшимую загадку. Ничего также благопріятнаго для ученія о безсознательномъ міровомъ разумѣ не представляютъ и указанія на то, что у человѣка не только въ моменты вдохновенія, но даже во время сна нерѣдко рождаются такія идеи и мысли, которыя поражаютъ насъ своей глубиною и своимъ соотвѣтствіемъ цѣли нашихъ работъ, хотя и возникаютъ въ какой-то безсознательной области нашего духа. Какъ бы ни казались неожиданными такія идеи и мысли, однако при внимательномъ психологическомъ анализѣ онѣ непремѣнно оказываются обусловленными предшествующею вполнѣ сознательной работою человѣческаго духа. Кто не отдавался всецѣло этой работѣ и кого не занимало рѣшеніе какой-либо интеллектуальной или художественной задачи, въ томъ и не появятся такія идеи и мысли въ періодъ-ли бодрственнаго состоянія или во время сна. Затѣмъ, не попади эти идеи и мысли въ область сознанія, онѣ всегда оставались бы невѣдомыми и ни къ чему бы не служили, еслибы мы и предположили возможность появленія ихъ въ безсознательной области жизни человѣческаго духа. Тоже самое должно замѣтить и о міровомъ разумѣ.

Однако, недостаточно сказать, что для установленія „закона“ любви міровой разумъ долженъ обладать высочайшей степенью сознательности, обнимающею какъ всё настоящее, такъ всё прошедшее и будущее. Самъ по себѣ разумъ, какъ бы онъ ни былъ великъ и сознателенъ, способенъ различать въ чьихъ-либо дѣйствіяхъ и состояніяхъ только умное отъ глупаго, полезное отъ вреднаго и проч., но не доброе отъ злаго, не хорошее отъ дурнаго въ нравственномъ смыслѣ. Чтобы чувствовать и сознавать одно, какъ нравственно-доброе, а другое, какъ нравственно-злое, субъектъ долженъ обладать спеціально-нравственными качествами и способностями. А чтобы установить всеобщимъ „закономъ“ человѣческой жизни „законъ“ любви, субъектъ не только долженъ обладать нравственными способностями и качествами, но и непремѣнно быть живымъ воплощеніемъ благости. Только подъ этимъ условіемъ и становится понятнымъ установленіе имъ таковаго закона. Но кто же, кромѣ разумно-свободной личности, можетъ быть носителемъ благости и вообще нравственнаго совершенства?

Полагаю, и изъ сказаннаго достаточно ясно, что нѣтъ ни малѣйшихъ основаній считать безличный міровой разумъ источникомъ „закона“ любви. Таковой разумъ не можетъ быть виновникомъ не только этого „закона“, но и какихъ бы то ни было законовъ и цѣлей, непремѣнно предполагающихъ какъ сознаніе и самосознаніе въ источникѣ ихъ, такъ и многія другія свойства, могущія принадлежать только личному всесовершенному Духу, каковъ Богъ. Тоже, что̀ гр. Толстой, вмѣстѣ съ Гартманомъ, называетъ міровымъ безличнымъ разумомъ, мы даже не въ правѣ представлять дѣйствительно существующимъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое безличный или безсознательный разумъ? Вѣдь это—не болѣе, какъ способность вырабатывать понятія о вещахъ, сужденія и умозаключенія. Мыслимо-ли самое существованіе этой способности безъ субъекта, которому она принадлежитъ? Всякая способность, а

слѣдов. и разумъ. непремѣнно предполагаетъ субъектъ, лицо, которому она свойственна и безъ котораго она отдѣльно существовать не можетъ. Не даромъ-же, когда идетъ рѣчь вообще объ умѣ или разумѣ, мы невольно задаемъ вопросъ: чей умъ или разумъ? Поэтому, разумъ, о которомъ говоритъ гр. Толстой съ голоса Гартмана, непремѣнно долженъ быть пріуроченъ къ высочайшему личному Существу, какъ одно изъ Его свойствъ, чтобы не быть пустымъ звукомъ, ничего не говорящимъ и не разъясняющимъ. Пока же это не сдѣлано, не только нельзя приписывать міровому безсознательному разуму установленіе „закона“ любви, но не резонно считать и существующимъ таковой разумъ.

Но если „законъ“ любви остается у нашего писателя лишеннымъ всякаго объективнаго и авторитетнаго источника и чрезъ то теряетъ свою всеобщность и обязательность, то по крайней мѣрѣ не указанъ-ли ясно и опредѣленно субъектъ, призванный выполнять и осуществлять требованія „закона“ любви? Чтобы человѣкъ могъ слѣдовать въ своей жизни предписаніямъ какого-либо нравственнаго кодекса и вообще могъ жить сознательной нравственной жизнью, онъ, конечно, долженъ быть отдѣльнымъ отъ другихъ и самостоятельнымъ существомъ, не только обладающимъ разумомъ и свободной волей, но остающимся однимъ и тѣмъ же по своей субстанціи существомъ во всѣ періоды своей жизни и способнымъ если не теперь, то въ загробной жизни къ возможному достиженію цѣли своего бытія. Гр. Толстой вмѣстѣ съ своими руководителями не только не раздѣляетъ, но, напротивъ, настойчиво оспариваетъ такой взглядъ на человѣка, какъ на нравственно-дѣйствующій субъектъ. Сперва разсмотрю, насколько основательны или не основательны приводимые противъ этого взгляда аргументы, а затѣмъ выясню, чѣмъ-же является человѣкъ, какъ нравственно-дѣйствующая личность, по ученію гр. Толстаго и его руководителей.

Отвергать тожество человѣческой личности во всѣ періоды ея бытія и во всѣхъ перемѣнахъ ея состояній отнюдь нельзя на томъ основаніи, что нѣкоторые люди ничего не помнятъ о своемъ дѣтствѣ, о многихъ годахъ юности, о среднихъ лѣтахъ своей жизни и т. под. Изъ того, что я забылъ, какъ проведенъ мною такой-то день въ прошломъ году, никакъ не слѣдуетъ, будто проводилъ забытый день не я, а кто-то другой. Вѣдь когда мнѣ напомнятъ о проведенномъ мною днѣ, то я признаю себя, а не другаго кого-нибудь, хорошо или дурно проведшимъ извѣстный день. Мало того: если намъ разскажутъ вѣрные свидѣтели о какомъ-нибудь дурномъ поступкѣ, совершонномъ нами еще въ сознательный періодъ нашего дѣтства, но забытомъ, то мы краснѣемъ за свой поступокъ и строго осуждаемъ себя. Если же не дѣлаемъ этого, то — не потому, будтобы считаемъ не тожественною свою теперешнюю личность съ прежнею, а потому, что выработавшіяся у насъ воззрѣнія не допускаютъ такого осужденія или мы измѣнились нравственно. Значитъ, дѣло — вовсе не въ томъ, будтобы различна наша личность въ разные періоды ея существованія, а въ томъ, что измѣнчиво содержаніе и направленіе ея жизни и развитія. Вотъ почему и происходитъ, что когда намъ разсказываютъ о какомъ-нибудь нашемъ поступкѣ, совершонномъ давно, то намъ какъ бы не вѣрится, что мы могли допустить его. Тутъ выражается наше отвращеніе къ извѣстному дѣйствію, а не отрицаніе совершенія его нами. Вообще, какъ бы ни казалось даже противоположнымъ содержаніе и направленіе нашей жизни въ разные ея періоды, изъ этого никакъ не слѣдуетъ нетожественность нашей личности.

Нисколько не говорятъ противъ субстанціальности нашей души и ея тожества во всѣ періоды ея жизни ссылки на то, что у дѣтей, будтобы, вовсе не замѣчается сознанія о своемъ *я* и что у взрослыхъ людей сознаніе, будтобы, подвержено постоянной текучести и измѣнчивости.

Что касается ребенка, еще не начавшаго говорить, то едвали можно утверждать, будто онъ не имѣетъ никакого сознанія о своемъ *я*. Еслибы ребенокъ не имѣлъ нѣкотораго сознанія о своемъ *я* и рѣшительно ничего не зналъ о себѣ, то и употребленіе взрослыми людьми слова: *я* ничему бы не научило его. Онъ узналъ бы только извѣстный звукъ, но относилъ бы его не къ внутренней своей сущности, а къ любому изъ своихъ органовъ: къ головѣ, къ лицу, къ ушамъ, къ глазамъ и т. под. Между тѣмъ, ничего такого не замѣчается въ ребенкѣ, начавшемъ говорить и усвоившемъ слово: я. Впрочемъ, еслибы на вопросъ: *кто—я* онъ и сталъ отвѣчать указаніемъ на свою фигуру, то и это нисколько не доказывало-бы, будто онъ не соединяетъ съ словомъ: *я* соотвѣтственнаго представленія. Дѣло—въ томъ, что и взрослый, но умственно не развитый человѣкъ, какъ бы внутренно ни чувствовалъ онъ, къ чему собственно относится слово: *я*, однакоже затруднился бы формулировать отвѣтъ на предложенный ему вопросъ объ его *я*. Но допустимъ, что у маленькаго ребенка нѣтъ никакого, хотя бы и смутнаго, представленія о своемъ *я*. Но развѣ можно отрицать, что дитя видимо для всѣхъ обнаруживаетъ свою самость въ непосредственномъ самочувствѣ? На различныя воздѣйствія внѣшняго міра дитя отвѣчаетъ чувствами то удовольствія, то неудовольствія, то радости, то страданія. Въ этомъ, очевидно, обнаруживается *я* ребенка, сперва лишь чувствуемое имъ. Значитъ, изъ того, что дитя не сознаетъ своей личности, вовсе не слѣдуетъ, будтобы ея нѣтъ въ немъ, какъ основы всего его существа. Наше *я*, то, что въ насъ мыслитъ, чувствуетъ и желаетъ, прежде, чѣмъ стать явленіемъ сознанія, уже есть субъектъ сознанія, т. е. уже есть душа, индивидуальное существо. Какъ физическое лицо человѣка прежде, чѣмъ отразиться въ зеркалѣ, должно существовать независимо отъ него, такъ и психическое лицо, наше *я*, прежде, чѣмъ отражаться въ явленіяхъ сознанія, должно существовать независимо отъ

этихъ явленій [1]). Что, наконецъ, касается постоянной текучести и измѣнчивости нашего сознанія о насъ самихъ, то она—не болѣе, какъ вымыселъ со стороны гр. Толстаго и его руководителей. Напротивъ, мы сознаемъ себя всегда однимъ и тѣмъ же лицомъ, и сознаніе наше чуждо множественности и сложности. Допускающіе непрестанную текучесть и измѣнчивость нашего сознанія, нашего *я*. смѣшиваютъ, вопреки логикѣ и существу дѣла, съ этимъ сознаніемъ, съ этимъ *я*, временно возобладавшій въ данномъ субъектѣ какой-нибудь кругъ идей, чувствованій и стремленій. Всякій по себѣ самому знаетъ, что онъ можетъ не только въ одно время своей жизни интересоваться одними предметами, въ другое — другими, но и временно воображать себя въ своихъ мечтахъ то такимъ, то другимъ человѣкомъ. Но какъ же изъ этого слѣдуетъ, будтобы самое сознаніе наше о себѣ самихъ текуче и измѣнчиво, сложно и множественно? Напротивъ, мы считаемъ себя одними и тѣми же, чѣмъ бы и какъ бы ни увлекались и на чье бы мѣсто ни поставляли себя въ разное время. Въ самыхъ сновидѣніяхъ нашихъ мы можемъ видѣть себя въ совершенно небывалой обстановкѣ и въ роли то полководцевъ, то судей, то министровъ, то королей. Однако же, признаемъ не другаго кого-нибудь, а себя-же самихъ дѣйствующими во всѣхъ этихъ положеніяхъ и состояніяхъ. Точно также психически больной, чѣмъ бы онъ ни воображалъ себя, тѣмъ не менѣе одну и туже личность свою считаетъ наприм. владѣльцемъ Сандвичевыхъ острововъ или китайскимъ императоромъ.

Эту нашу увѣренность въ тожествѣ нашего *я* во всѣхъ періодахъ и состояніяхъ нашей жизни отнюдь нельзя считать за нѣкій оптическій обманъ на томъ основаніи, что мы признаемъ-же наше тѣло однимъ на-

---

[1]) Стран. XXIII въ предисловіи къ переводу книги Геллепбаха: *Индивидуализмъ въ свѣтѣ биологіи и современной философіи* (Спб. 1884 г.).

шимъ тѣломъ. хотя оно непрестанно измѣняется и обновляется. Напротивъ, по моему мнѣнію, именно это-то обстоятельство и доказываетъ неиллюзорность нашей увѣренности въ тожествѣ и единствѣ нашей личности. Не только образованные люди, знакомые съ физіологической теоріею обмѣна веществъ въ организмѣ, но и всѣ люди не могутъ не замѣчать измѣненій своего тѣла. Между тѣмъ, всѣ они считаютъ себя одними и тѣми-же существами, хотя бы даже лишились то ногъ, то рукъ, то другаго какого-нибудь члена. Только неизмѣнно одно и тоже существо способно усматривать какъ измѣняющееся, такъ и остающееся неизмѣннымъ въ его тѣлѣ, отличающее тѣло Сидорова отъ тѣла Прохорова. Мало того: только при несложности и единствѣ нашего *я*, какъ основы нашей психо-физической природы, мыслимъ постоянный процессъ формированія нашего тѣла по *одному* и *тому* же типу, идущій непосредственно за процессомъ распаденія тѣла.

Уничтожаемость нашей души, нашего *я*, напрасно надѣются доказать тѣмъ, что, будтобы, во время глубокаго сна сознаніе наше, а съ нимъ и наше *я*, совсѣмъ прекращается. Нѣтъ сомнѣнія, что во время сна сознаніе не можетъ проявляться такъ, какъ оно проявляется въ бодрственномъ состояніи человѣка. Сонъ—одно изъ важнѣйшихъ условій для возстановленія физическихъ силъ, расходуемыхъ организмомъ человѣка во время его дѣятельной бодрственной жизни. А такъ какъ душевная жизнь человѣка связана съ тѣломъ, то, конечно, сознаніе не можетъ проявляться надлежащимъ образомъ тогда, когда организмъ занятъ работою, возстановляющей его силы. Тѣмъ не менѣе сознаніе не обрывается и не прекращается совсѣмъ во время сна. За это говорятъ уже сновидѣнія. Если же мы иногда не помнимъ ихъ, это вовсе не значитъ, что ихъ не было. Какъ бы ни былъ глубокъ сонъ, не уничтожается даже сознаніе нашихъ отношеній къ внѣшнему міру. Весьма немало—такихъ людей, которые, какъ бы крѣпко ни спали, просыпаются, однако, не иначе, какъ въ

часъ, назначенный ими самими. Вообще не существуетъ для человѣка абсолютно безсознательнаго состоянія: оно дѣйствительно равнялось-бы его смерти. Мы можемъ не наблюдать проявленій сознанія и не вспоминать бывшаго съ нами во время-ли летаргическаго сна, или во время другаго подобнаго состоянія, но все это никоимъ образомъ не доказываетъ прекращенія жизни нашей личности. Подобныя явленія свидѣтельствуютъ только о томъ, что наша душевная жизнь, при ненормальныхъ или исключительныхъ физіологическихъ условіяхъ, не можетъ проявляться обычнымъ порядкомъ.

Далѣе, то, чѣмъ думаютъ доказать уничтожимость нашего сознанія, нашей личности, сводится къ ложной мысли, будтобы душевная жизнь съ ея сознаніемъ есть не болѣе, какъ функція или отправленіе мозга и вообще тѣла [1]). Одинъ изъ нашихъ знаменитыхъ натуралистовъ, покойный Пироговъ, въ согласіи со многими другими первоклассными натуралистами, высказалъ относительно этой мысли слѣдующее. Мой умъ, говоритъ онъ, не допускаетъ, чтобы одна группировка атомовъ въ извѣстныя формы, какъ наприм. мозговыя клѣтки, могла *eo ipso* сдѣлать ихъ способными ощущать, хотѣть и сознавать и чтобы вообще духовная жизнь съ ея сознаніемъ, разумомъ и свободою не могла существовать независимо отъ матеріальнаго начала [2]). Разсудительному и безпристрастному человѣку трудно не присоединиться къ этому мнѣнію знаменитаго натуралиста и недюжиннаго мыслителя. Если признать справедливою мысль, будто душевная жизнь есть функція тѣла, въ такомъ случаѣ и сознаніе человѣкомъ единства и тожества своей личности останется навсегда неразрѣшимой загадкою. Такъ какъ наше тѣло съ мозгомъ подвержено постоянной смѣнѣ образующихъ его частицъ ве-

---

[1]) Эта же мысль лежитъ, между прочимъ, и въ основаніи отрицанія сознанія въ абсолютномъ.

[2]) Стран. 18, 21, 37 и др. въ книгѣ: *Вопросы жизни* (Спб. 1885 г.).

щества, то мы не должны бы были сознавать себя всегда одними и тѣми же существами [1]). Между тѣмъ, таковое сознаніе составляетъ неоспоримый фактъ.

Желая доказать уничтожаемость нашей личности съ ея сознаніемъ, ссылаются, наконецъ, на то, будтобы и животнымъ, которыхъ, однако, мы признаемъ смертными существами, свойственна личность съ сознаніемъ. Что животнымъ свойственно нѣкоторое сознаніе, это внѣ всякаго сомнѣнія. Если бы они лишены были всякаго сознанія, то не знали бы о своемъ голодѣ, о жаждѣ и о другихъ своихъ потребностяхъ и не испытывали бы удовольствія отъ удовлетворенія ихъ. Но имѣть такое элементарное сознаніе не значитъ еще быть личностью, а тѣмъ болѣе тожественною съ человѣческой личностью. Отличительная принадлежность личности, кромѣ разума и свободы воли, есть самосознаніе. Послѣднее отличается отъ сознанія тѣмъ, что обращено не на психическія свойства, дѣятельности и состоянія человѣка и даже не на общую сумму ихъ, а на его *я*, служащее носителемъ и источникомъ всѣхъ душевныхъ свойствъ, дѣйствій и состояній. Благодаря самосознанію, человѣкъ не отдается только, подобно животнымъ, потоку своей душевной дѣятельности и своихъ душевныхъ состояній, но самъ-же руководитъ ими и направляетъ ихъ. Дѣятельность ума, стремленія воли, движенія сердца контролируются и направляются человѣческимъ *я* при посредствѣ самосознанія согласно съ идеями истины, добра и красоты. Но свойственно-ли животнымъ самосознаніе? Гр. Толстой съ своими руководителями признаетъ, что животныя не знаютъ, личности-ли они. Это-то признаніе и доказываетъ, что животныя вовсе—не личныя существа: быть *личнымъ* существомъ и не знать объ этомъ, т. е. не имѣть самосознанія, совершенно невозможно. Очевидно, гр. Толстой смѣшиваетъ

---

[1]) См. подробности въ моей статьѣ: *Фиктивный союзъ матеріализма съ естествознаніемъ*, напечатанной въ 6—7 кн *Правосл. Обозрѣнія* за 1877 г.

индивидуальность съ личностью. Первая, конечно, свойственна и представителямъ животнаго царства. Строго говоря, индивидуальность принадлежитъ не только растительнымъ организмамъ, но и любой песчинкѣ: вѣдь нельзя найти двухъ песчинокъ, совершенно тожественныхъ. Но если животнымъ нельзя усвоять личности, то невозможно-же усвоять имъ и много другаго, спеціально принадлежащаго людямъ. Не самъ-ли Шопенгауэръ съ гр. Толстымъ усвояютъ разумъ только человѣку и видятъ въ разумѣ важное отличіе людей отъ животныхъ? Положимъ, нашъ вліятельный писатель какъ-то нашелся признать, вопреки Шопенгауэру, потребности человѣка въ религіи, наукѣ, искусствѣ и т. п. животными потребностями, какъ будтобы животныя, лишенныя разума, способны имѣть такія потребности. Но эта мысль гр. Толстаго, очевидно, никакъ не вяжется съ его же мыслью о принадлежности разума одному человѣку, а потому въ разумѣ и въ соединенной съ нимъ способности человѣка къ религіозному и философскому мышленію, къ наукѣ, къ искусству и т. п. нужно видѣть грань, отдѣляющую людей отъ животныхъ существеннымъ образомъ. Наконецъ, не Шопенгауэръ-ли и гр. Толстой допускаютъ, что только человѣкъ въ состояніи вліять на измѣненіе прирожденнаго своего характера и вообще сообщать новое направленіе своей нравственной жизнедѣятельности? Такимъ образомъ, открывается новая пропасть, раздѣляющая животныхъ и человѣка. За волею послѣдняго признается всетаки нѣкоторое подобіе свободы, какъ бы она фальшиво ни понималась. Значитъ, основанія къ тому, чтобы существенно отличать и отдѣлять человѣка отъ животныхъ, даются отчасти въ ученіи, мною разбираемомъ [1]). Единственная раціональная опора для отожествленія человѣка съ животными заключается въ

---

[1]) См. обстоятельное разъясненіе существенныхъ отличій человѣка отъ животныхъ въ моей статьѣ о человѣкѣ и животныхъ, напечатанной во 2-мъ сборникѣ *Гражданина* за 1872 г.

ученіи объ общей всему существующему субстанціи. Но коль скоро показано, что міровой безсознательный разумъ не есть какая-либо реальность и что верховной причиною всего сущаго можетъ быть только личный всесовершенный Духъ, отдѣльный отъ міра, то сама собою падаетъ и эта опора. Вмѣстѣ съ этимъ человѣческая личность можетъ и должна быть разсматриваема, какъ высшее на землѣ твореніе этого Духа, созданное по Его образу и предназначенное къ безконечной личной жизни въ цѣляхъ непрестаннаго усовершенствованія и неразлучнаго съ нимъ блаженства [1]).

Не принимая здраваго понятія о человѣкѣ, о человѣческой личности, единственно въ виду шаткихъ основаній, только что разсмотрѣнныхъ мною, гр. Толстой устанавливаетъ и высказываетъ свое собственное воззрѣніе на то, что́ именно нужно считать настоящимъ *я* въ людяхъ. То, что́ всѣ здравомыслящіе люди признаютъ основою всѣхъ душевныхъ свойствъ, дѣятельностей и состояній человѣка, по взгляду гр. Толстаго, есть неболѣе, какъ общая человѣку съ животными личность, измѣнчивая и преходящая, долженствующая служить лишь временнымъ орудіемъ для достиженія цѣлей истинно-человѣческаго начала. Послѣднее же есть не иное что, какъ извѣстное отношеніе къ міру. выражающееся въ большей или меньшей любви къ одному и не любви къ другому. Это-то отношеніе и есть, будтобы, настоящее *я* человѣка. Но можно-ли допустить и къ чему неизбѣжно ведетъ такое оригинальное опредѣленіе того, что́ нужно считать существеннымъ и кореннымъ въ человѣкѣ?

Каждый согласится, что всякое отношеніе какъ въ живой дѣйствительности, такъ и въ нашихъ представ-

---

[1]) Напрасно утверждаетъ Шопенгауэръ, будто существо, получившее начало бытія, а не всегда существовавшее, должно имѣть и конецъ бытія. Если существо это имѣетъ субстанцію, не способную къ уничтоженію, то какъ-же оно должно непремѣнно имѣть конецъ?

леніяхъ о ней возможно и существуетъ постольку, поскольку есть два предмета, такъ или иначе дѣйствующихъ другъ на друга. Коль скоро же на лицо находится лишь одинъ предметъ, то нельзя поднимать и рѣчи объ отношеніяхъ его къ кому бы и къ чему бы то ни было. Между тѣмъ, у гр. Толстаго говорится объ отношеніи къ міру, даже о любви и не любви къ чему-либо, но въ тоже время не указывается, кто же это относится извѣстнымъ образомъ къ міру, кто же это любитъ одно, а не любитъ другаго? Міръ есть, предметы любви и не любви представляются у него существующими, а субъектъ, извѣстнымъ образомъ относящійся къ міру, любящій одно и не любящій другаго, совершенно отсутствуетъ. Мало того: этотъ совершенно отсутствующій субъектъ возводится на степень настоящаго человѣческаго *я*, и ему приписывается объединеніе всѣхъ послѣдовательныхъ во времени сознаній, свойственныхъ какому-то животному человѣческому *я* [1]). Излишне доказывать, что наше *я* мыслится и должно мыслиться не отношеніемъ къ чему-либо, а источникомъ и виновникомъ всякаго существующаго человѣческаго отношенія къ чему бы то ни было. Тѣмъ болѣе непозволительно называть человѣческое *я* отношеніемъ, что отношеніе мыслимо не въ самосознающемъ только субъектѣ. Дерево, напримѣръ, тоже относится извѣстнымъ образомъ къ другимъ предметамъ: къ землѣ, на которой оно растетъ и изъ коей извлекаетъ питательные элементы, къ солнцу, къ воздуху и проч. Однако, кто же назоветъ дерево личностью, какимъ-нибудь *я*? Личность, *я*, предполагаетъ не просто отношеніе къ чему-нибудь, а отношеніе сознательное и свободное, особенно въ такихъ вещахъ, какъ любовь къ одному въ мірѣ и нелюбовь къ другому. Между тѣмъ, у гр.

---

[1]) Не странно-ли усматривать въ одномъ и томъ-же человѣкѣ два *я*: животное какое-то *я* и еще человѣческое *я*? Человѣкъ есть одно недѣлимое *я*, и никакихъ двухъ *я* у него нѣтъ и быть не можетъ....

Толстаго называется основнымъ человѣческимъ *я* такое отношеніе человѣка къ міру, съ коимъ онъ уже появляется на жизненное поприще. Значитъ, это отношеніе не есть отношеніе даннаго субъекта, а чье-то чужое. Данный-же субъектъ не болѣе, какъ сосудъ, въ который вселяется невѣдомо чье-то отношеніе къ міру. Спрашивается: на какомъ-же основаніи называть этотъ субъектъ какимъ бы то ни было *я* и усвоять ему данное отношеніе его къ міру? Субъектъ самъ по себѣ— нуль. Если же ему у гр. Толстаго усвояется способность измѣнять невѣдомо откуда и зачѣмъ полученное отношеніе къ міру и устанавливать новое, лучшее. выражающее наибольшую степень любви къ живущимъ существамъ, то остается неразрѣшимымъ вопросъ: какъ субъектъ можетъ выполнить возлагаемую на него важную миссію? Въ самомъ дѣлѣ, коль скоро основное и коренное человѣческое *я* есть не болѣе, какъ извѣстное отношеніе къ міру, то вѣдь нельзя же ожидать и требовать отъ *отношенія*, чтобы оно видоизмѣнило *себя* же самаго. Опять-таки требуется субъектъ въ качествѣ разумно-свободной личности, способной находить данное отношеніе *свое* къ живущимъ существамъ неудовлетворительнымъ и устанавливать новое, болѣе правильное и плодотворное, отношеніе. Коль скоро же бытіе такой личности непризнается. то нельзя говорить ни о наличномъ, ни о новомъ отношеніи къ міру: отношеніе безъ относящагося не мыслимо, а относящимся не можетъ быть само же отношеніе.

Характеристичнымъ въ ученіи гр. Толстаго о нравственно-дѣйствующемъ субъектѣ является не то только, что онъ считаетъ его просто извѣстнымъ отношеніемъ къ міру. Истинно-человѣческое *я* въ людяхъ и его жизнь, по взгляду гр. Толстаго и его руководителей, вовсе не подлежитъ условіямъ пространства и времени. Понятно, почему истинно-человѣческое *я* съ его жизнью считается внѣ-временнымъ и внѣ-пространственнымъ. Это истинно-человѣческое *я* и его жизнь въ сущности есть не иное что, какъ безличный міровой разумъ, взятый въ его

проявленіяхъ въ человѣческой жизни. Но такъ смотрѣть на послѣднюю не значитъ-ли не только окончательно превращать человѣческія личности въ пустые призраки, но и разрушать даже основы нравственной и всякой жизни? Въ сущности это-то и дѣлаетъ гр. Толстой, вмѣстѣ съ своими руководителями отрицая подчиненность человѣка и его жизни условіямъ пространства и времени.

Соображенія, какія приводятся въ доказательство внѣ-временности и внѣ-пространственности истинно-человѣческаго *я* и его жизни, нельзя, конечно, считать твердыми и основательными. Изъ того, что человѣкъ не помнитъ, когда и какъ онъ родился, весьма рискованно заключатъ къ внѣ-временности его бытія. Утверждать-же, будтобы человѣкъ знаетъ себя живущимъ лишь въ настоящемъ, значитъ противорѣчить тому, что́ мы знаемъ о себѣ и наблюдаемъ въ другихъ людяхъ. Человѣку вообще гораздо труднѣе представить вѣчность, чѣмъ прошедшее, настоящее и будущее. Начинаніе, продолженіе и прекращеніе бытія и жизни индивидуумовъ онъ непрестанно созерцаетъ въ окружающемъ его мірѣ. Равнымъ образомъ, человѣкъ знаетъ себя и другія существа, какъ и всѣ предметы міра, занимающими извѣстный пунктъ въ пространствѣ. Человѣкъ представляетъ только Бога неподчиненнымъ условіямъ пространства и времени, такъ какъ только въ Богѣ видитъ всесовершенное и никакимъ ограниченіямъ не подлежащее существо. Но, быть-можетъ, человѣкъ обманывается, почитая и себя съ своей жизнью подчиненнымъ условіямъ пространства и времени? Это-то и утверждаетъ гр. Толстой съ своими руководителями. Какъ бы они, однако, ни настаивали на иллюзорности пространства и времени, здравый разумъ человѣка и высшіе интересы его духа всегда были и будутъ противъ такого взгляда на время и пространство.

Если человѣкъ, другія существа и всѣ предметы внѣ-временны и внѣ-пространственны, то съ какой же стати и откуда явилась у человѣка идея пространства

и времени, которую онъ, вопреки истинному положенію дѣла, усиливается прилагать и неизбѣжно прилагаетъ ко всякому ограниченному бытію? Еслибы это навязываніе вещамъ условій пространства и времени было однимъ произволомъ, тогда, напримѣръ, знойное лѣто ничѣмъ въ дѣйствительности не отличалось-бы отъ суровой зимы и громадное разстояніе между Казанью и Ньёркомъ было-бы лишь фантазіею со стороны путешественника. При полной иллюзорности пространства самый субъектъ, его мыслящій, не только не находился бы ни въ какомъ мѣстѣ, но и въ себѣ самомъ, и совершенно сливался-бы со всѣмъ сущимъ въ нѣчто нераздѣлимое и неразличимое. При полной иллюзорности времени я съ своей настоящей рѣчью не только читалъ-бы её для всѣхъ, когда-либо существовавшихъ, теперь существующихъ и имѣющихъ существовать, разумныхъ существъ, но вмѣстѣ съ чтеніемъ своей рѣчи слышалъ-бы всё, что кѣмъ-нибудь произносилось когда-нибудь, теперь произносится и будетъ когда-либо произноситься. Не нелѣпо-ли всё это и не противорѣчитъ-ли дѣйствительности, слишкомъ ясно и живо дающей себя чувствовать? За тѣмъ, коль скоро пространство и время суть идеи нашего ума, неимѣющія ничего общаго съ дѣйствительностію, какою мы ее наблюдаемъ и знаемъ, тогда *вся* она превращается въ чистый призракъ и становится лишь моимъ обманчивымъ субъективнымъ представленіемъ. Но если это-правда, то почему-же самъ я долженъ быть и есмь не призракъ своего рода? Выведите всѣ логическія послѣдствія изъ такихъ посылокъ, и тогда представится не болѣе, какъ комедіею все, что́ дѣлали и дѣлаютъ люди даже для своего духовнаго совершенствованія и для водворенія въ своей средѣ началъ любви и правды. Вѣдь всякое личное совершенствованіе, въ частности нравственное, и всякій актъ внесенія въ жизнь другихъ людей началъ любви и правды необходимо предполагаютъ въ сферѣ ограниченнаго бытія движеніе отъ одной, низшей, степени къ другой, высшей, отъ одного менѣе удовлетворитель-

наго положенія вещей къ другому болѣе удовлетворительному. Все это можетъ совершаться не иначе, какъ въ условіяхъ времени и пространства.

Какъ видимъ, едвали подлежитъ какому-нибудь сомнѣнію, что отрицаніе всякаго совпаденія идей пространства и времени съ дѣйствительностію *неизбѣжно* превращаетъ, съ одной стороны, въ нѣкій призракъ и человѣка, а, съ другой, *прямо* ведетъ къ отрицанію и его нравственной жизни. Выходитъ, что существуетъ и *что-то* совершаетъ лишь міровая сущность, именуемая у нашего вліятельнаго писателя безсознательнымъ разумомъ.

Итакъ, гр. Толстой, отвергши здравое понятіе о человѣкѣ, какъ о нравственно-дѣйствующемъ субъектѣ, предложилъ свое ученіе о немъ, но такое, по которому оказывается, что не только не кому выполнять „законъ“ любви и не на кого обращать любовь, но даже и невозможно дѣлать все это, еслибы и нашелся субъектъ, готовый къ такой дѣятельности. Получилось то, что и должно было получиться изъ ошибочнаго воззрѣнія на міровую всеединую сущность и на отношеніе ея къ индивидуальному бытію.

Б) Разсмотримъ теперь ученіе мнимыхъ альтруистовъ о любви къ людямъ само въ себѣ, по возможности не зависимо отъ того, что нѣтъ законоположника любви и нравственно-дѣйствующаго субъекта, но, конечно, не опуская изъ виду другихъ руководящихъ воззрѣній, свойственныхъ этимъ альтруистамъ.

Огюсту Конту и его единомышленникамъ, кажется, будтобы они выставили высокій нравственный принципъ, уча, что человѣкъ, отрекшись отъ всякаго блага своей личности, долженъ любить другихъ больше, чѣмъ себя, и жить отнюдь не для себя, а для другихъ. Французскій мыслитель прямо заявляетъ, а гр. Толстой „про себя разумѣетъ“, будтобы христіанское ученіе, предписывающее намъ любить нашихъ ближнихъ, какъ себя самихъ, и слѣдов. жить не только для другихъ, но и для себя, есть низменное ученіе, якобы усиливающее эгоизмъ и недопускающее полнаго самопожертвованія

въ пользу сознательныхъ существъ. Чтобы всякій могъ видѣть, сколько неправды въ такихъ рѣчахъ, необходимо прежде всего изложить сущность христіанскаго ученія объ отношеніи человѣка къ самому себѣ и къ другимъ существамъ, а затѣмъ уже показать безмѣрную возвышенность этого ученія и низменность противополагаемаго ему.

Что евангельское ученіе требуетъ отъ насъ того только, чтобы мы любили ближнихъ, какъ себя самихъ, и чтобы слѣдов. мы жили не для другихъ только, но и для себя, это несомнѣнно. *Возлюби ближняго твоего, какъ самаго себя* (ὡς ἑαυτόν, sicut teipsum),—такова евангельская заповѣдь [1]). Уже изъ того, что евангельское ученіе предписываетъ намъ любить ближнихъ, какъ себя самихъ, очевидна законность нашей любви къ себѣ самимъ и нашей заботливости о себѣ самихъ. Дѣйствительно, въ Евангеліи мы не находимъ ничего такого, что́ требовало-бы отъ насъ пренебрежительно относиться къ своей личности и нисколько не радѣть объ ея благѣ. Напротивъ, въ Евангеліи встрѣчается не мало мѣстъ. выражающихъ совершенно противоположный взглядъ на человѣческую личность и ея благо. Человѣческая личность, какъ созданная по образу Божію и предназначенная къ тѣснѣйшему свободному общенію съ самимъ Богомъ, имѣетъ столь высокую цѣнность, что въ сравненіи съ нею ничтожны всѣ вещи міра [2]). Человѣческая личность такъ цѣнна, что, для направленія ея къ добру и для возстановленія нормальныхъ отношеній ея къ Богу, благоволилъ низойти на землю самъ единородный Сынъ Божій, вочеловѣчиться и обречь Себя на страдальческую крестную смерть [3]) Благо человѣческой личности, человѣческой души, такъ важно, что мы никогда не должны оставлять заботы о

---

[1]) Матѳ. 22, 39. Марк. 12, 31. Лук. 10. 27.

[2]) Матѳ. 16, 26.

[3]) Матѳ. 18, 11. Іоан. 17, 11.

пріобрѣтеніи его. Овладѣть этимъ благомъ—наше призваніе, нашъ непремѣнный долгъ. *Что́ пользы человѣку*, говоритъ Спаситель, *пріобрѣсть весь міръ, а себя самого погубить или себѣ самому повредить* [1])? Это благо человѣческой личности состоитъ въ развитіи каждому дарованныхъ Богомъ талантовъ, въ особенности же въ нравственномъ самоусовершенствованіи и въ живомъ тѣсномъ единеніи съ Богомъ, какъ источникомъ всякаго совершенства и блага [2]) Евангеліе допускаетъ право человѣка и на матеріальныя блага жизни и признаетъ законною разумную заботливостъ его о пріобрѣтеніи ихъ [3]). Оно предписываетъ только, чтобы предметомъ главныхъ помысловъ и заботъ людей было высшее для нихъ благо [4]). Настойчиво требуя отъ человѣка самоотреченія, Евангеліе разумѣетъ отреченіе отъ собственно своенравнаго и дурнаго направленія нашей жизни, но отнюдь не отреченіе отъ самой нашей личности и ея блага. Евангеліе требуетъ, чтобы исполнять волю Божію стало для насъ такою же насущной потребностью, какою является для нашего тѣла потребность въ пищѣ [5]).

Допуская въ человѣкѣ любовь къ самому себѣ и признавая законность разумной заботливости его даже о матеріальныхъ благахъ жизни, Евангеліе въ то же время настоятельно требуетъ отъ человѣка возможной любовной заботливости о благѣ его ближнихъ, въ особенности духовномъ, и даже готовности на всяческое разумное самопожертвованіе въ пользу ихъ. Мѣрою любви нашей къ ближнимъ должна служить любовь Того, Кто, будучи Сыномъ Божіимъ, обрекъ Себя ради нашего блага не только на всяческія лишенія и скорби,

---

[1]) Лук. 9, 25.

[2]) Матѳ. 25, 14 и др. 5, 47. 19, 17. Іоан. 17, 11.

[3]) Лук. 11, 3. Матѳ. 9. 16—17 и др.

[4]) Лук. 12, 31. Матѳ. 6, 33.

[5]) Іоан. 4, 34 и др.

но даже на страшныя муки крестной смерти, и въ особенности послѣдніе годы Своей жизни,—годы общественной дѣятельности,—отдалъ на безконечно-любовное служеніе человѣчеству вразумленіемъ заблудшихъ, обличеніемъ загрубѣлыхъ грѣшниковъ, исцѣленіемъ больныхъ, насыщеніемъ голодныхъ, утѣшеніемъ печальныхъ, возвышеніемъ униженныхъ и т. д. *Какъ я возлюбилъ васъ*, говоритъ каждому изъ насъ Спаситель, *такъ и вы да любите другъ друга* [1]). Если мы должны любить нашихъ ближнихъ такъ, какъ возлюбилъ насъ І. Христосъ, то наша любовь къ людямъ не должна останавливаться ни передъ какой нравственно-разумною жертвою, дѣйствительно необходимой для истиннаго блага нашихъ ближнихъ [2]). Кто чуждъ и непроявляетъ такой любви къ нимъ, тотъ не въ правѣ и называться ученикомъ и послѣдователемъ нашего Спасителя [3]). Кто видѣлъ голодающихъ, томящихся жаждою, лишенныхъ необходимаго платья, неимѣющихъ какаго-нибудь крова, страдающихъ какимъ-либо недугомъ, погруженныхъ въ заблужденія и пороки и тому подобныхъ несчастливцевъ, или могъ знать о нихъ, и несдѣлалъ *всего*, что—въ его власти и средствахъ, для облегченія или отстраненія страданій и ненормальностей въ жизни ближняго, тотъ самъ себя лишаетъ надежды и на блаженное общеніе со Христомъ въ загробномъ мірѣ [4]). Ничто не въ состояніи искупить вины людей предъ Богомъ, если они или оставались совсѣмъ невнимательными къ нуждѣ и горю своихъ собратьевъ, кто бы ни были послѣдніе, или старались отдѣлаться эгоистически-разсчетливой ничтожной помощью [5]). Для христіанина дѣлать добро истинно нуждающимся и бѣдствующимъ—

---

[1]) Іоан. 13, 34.

[2]) Іоан. 15, 13. Мато. 10, 35. Марк. 3, 6—7.

[3]) Іоан. 13, 35.

[4]) Матѳ. 25, 41—45. 18, 15—17. Лук. 11, 23.

[5]) Лук. 10, 29—37. 21, 1—4. Мато. 18, 15—17.

столь естественное и необходимое дѣло, что онъ не только не превозносится имъ, какъ нѣкіимъ важнымъ подвигомъ съ своей стороны, но даже какъ бы незамѣчаетъ творимыхъ имъ добрыхъ дѣлъ [1]).

Требуя отъ насъ любви ко всѣмъ людямъ, христіанство не только не воспрещаетъ, но узаконяетъ и предпочтительную любовь къ нѣкоторымъ существамъ. Таковая любовь обязательна для насъ прежде всего къ Богу. Первой и наибольшей заповѣдью Спаситель назвалъ заповѣдь о любви къ Богу, выраженную въ слѣдующихъ знаменательныхъ словахъ: *возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всей душею твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ* [2]). Здѣсь прямо внушается настолько предпочтительная любовь къ Богу, насколько Богъ безконечно выше всего сущаго. Всякая другая любовь въ насъ должна быть меньшею, чѣмъ любовь къ Богу, и освящаться послѣднею. Какъ вочеловѣчившійся единородный Сынъ Божій, І. Христосъ требуетъ отъ насъ предпочтительной-же безграничной любви и къ Себѣ самому. Кто любитъ отца или мать, сына или дочь болѣе, нежели Меня, говоритъ Спаситель, тотъ недостоинъ Меня [3]). І. Христосъ не только училъ насъ любить Бога больше всего въ мірѣ, неисключая и самыхъ дорогихъ намъ людей, но и Самъ, живя на землѣ, далъ намъ образецъ такой безпредѣльной любви къ Богу. Современники земной жизни Спасителя ясно видѣли, что Онъ никого не любилъ такъ, какъ—Отца Своего Небеснаго. Начиная съ дѣтскаго возраста и оканчивая предсмертными минутами на крестѣ, І. Христосъ всегда горѣлъ всецѣлой любовью къ Нему [4]).

---

[1]) Матѳ. 6, 3. Лук. 17, 10.

[2]) Матѳ. 22, 37—38.

[3]) Матѳ. 10. 37

[4]) Матѳ. 2, 49. Лук. 23, 46.

Спаситель допускаетъ и разныя степени любви къ людямъ. Прежде всего нельзя неуказать на то, что Онъ называетъ заповѣдью Божіею заповѣдь объ особомъ почитаніи родителей и объ особой заботливости о нихъ и осуждаетъ фарисеевъ за непочтительное и беззаботливое отношеніе къ ихъ отцамъ и матерямъ [1]). Что касается самихъ родителей, то, по ученію І. Христа, ихъ любовь и заботливость должна быть направлена прежде всего на ихъ собственныхъ дѣтей [2]). Самъ Спаситель, начиная съ ранняго дѣтства Своей земной жизни, питалъ особенно нѣжную любовь къ Своей матери [3]). Даже во время безмѣрныхъ страданій Своихъ на крестѣ І. Христосъ выражаетъ нѣжную любовь къ Своей матери, поручая её попечительной заботливости одного изъ Своихъ учениковъ [4]). Охлажденіе и попраніе родственныхъ связей Спаситель признаетъ вообще признакомъ особаго нравственнаго паденія людей [5]). Къ самымъ ученикамъ Своимъ относился Онъ не съ безразборчивой любовью. Напротивъ, Онъ удостоиваетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ особенной любви и особенной близости къ Себѣ [6]). Изъ лицъ, несостоявшихъ непосредственными учениками Спасителя, также нѣкоторые пользовались особеннымъ расположеніемъ Его, такъ что по справедливости назывались дорогимъ именемъ Его друзей. Таковъ былъ наприм. Лазарь [7]). Нѣкоторыя изъ лицъ, изрѣдка приходившихъ ко Спасителю за разрѣшеніемъ тѣхъ или другихъ своихъ вопросовъ и недоумѣній, вызывали въ Немъ предпочти-

---

[1]) Марка, 7, 9—13.

[2]) Матѳ. 15, 26. Лук. 11, 11—13.

[3]) Лук. 2, 51.

[4]) Іоан. 19. 26—27.

[5]) Марк. 13, 12 и др.

[6]) Іоан. 13, 23.

[7]) Іоан. 11, 5 и 36.

тельную любовь къ себѣ [1]). Съ особенной любовью и попечительностью относился І. Христосъ къ тѣмъ, кто принялъ Его ученіе и сдѣлался членомъ основаннаго Имъ духовнаго царства [2]). Не съ безразборчивой любовью относился І. Христосъ и къ разнымъ народамъ, какіе жили въ Его время. Особенно близкими Его сердцу были іудеи, какъ Его соотечественники [3]). Печальная судьба исторически-великаго роднаго города, Іерусалима, бывшая ясною для Спасителя, какъ всевѣдущаго единороднаго Сына Божія, трогаетъ Его до глубины души, такъ что однажды Онъ горько оплакивалъ ее [4]). Не только, значитъ, люди, но и нѣкоторые, связанные съ ними, предметы, удостоивались особаго сердечнаго Его расположенія. Самихъ учениковъ Своихъ Спаситель побуждалъ къ тому, чтобы они проявляли къ достойнѣйшимъ и любовь наибольшую [5]).

Было-бы несправедливо видѣть въ нѣкоторыхъ словахъ и дѣйствіяхъ І. Христа отрицаніе того, чему самъ-же Онъ училъ и что̀ освятилъ Своимъ примѣромъ. Такъ, говоря, что матъ, братья и сестры Его суть тѣ, кто исполняетъ волю Отца небеснаго [6]), І. Христосъ учитъ лишь тому, что для христіанина особая сердечная близость его къ нѣкоторымъ людямъ должна условливаться не однѣми только кровными связями, но и духовными отношеніями. Эти послѣднія должны служить основаніемъ для предпочтительной любви и къ совершенно чужимъ для насъ людямъ. Самыя кровныя связи становятся еще болѣе тѣсными и дорогими, если онѣ одухотворяются и скрѣпляются христіан-

---

[1]) Марк. 10, 21.

[2]) Іоан. 17, 9.

[3]) Матѳ. 10, 6 и др.

[4]) Лук. 19, 41.

[5]) Мато. 10, 11 и друг.

[6]) Матѳ. 12, 46—50.

скимъ направленіемъ мысли и жизни родственниковъ. Вотъ какой смыслъ имѣютъ указанныя слова І. Христа. Точно также ничего не говорятъ противъ законности особой любви къ родственникамъ слова І. Христа, сказанныя Имъ лицамъ, колебавшимся немедленно послѣдовать за Нимъ и просившимъ дозволенія сперва то похоронить отца, то проститься съ родными. Отвѣтъ Спасителя на ихъ просьбу разъясняетъ сущность дѣла. Первому сказалъ Онъ: *предоставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ, а ты иди и благовѣствуй царствіе Божіе*, а второму замѣтилъ: *никто, возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ, неблагонадеженъ для царствія Божія* [1]). Отвѣтъ І. Христа свидѣтельствуетъ, что призывавшіеся Имъ къ благовѣствованію царствія Божія оказывались неспособными поставить даруемое имъ благо сразу-же выше и важнѣе ихъ родственныхъ отношеній. Сердцевѣдецъ ясно видѣлъ необходимость рѣшительной мѣры въ отношеніи къ такимъ колеблющимся людямъ, которые способны были, поддавшись родственнымъ вліяніямъ, видимо неблагопріятнымъ, даже вовсе непослѣдовать за Богочеловѣкомъ. Вотъ почему Онъ и далъ имъ поразившій ихъ отвѣтъ. Что поступокъ Спасителя нужно понимать именно такъ, за это ручается уже Его одобрительное отношеніе къ родственнымъ чувствамъ болѣе устойчивыхъ Его учениковъ [2]). Равнымъ образомъ, неотрицается нравственное право предпочтительной любви къ нѣкоторымъ людямъ и въ другихъ евангельскихъ мѣстахъ, на которыя ссылаются люди, желающіе представить ученіе Спасителя неблагопріятнымъ для самыхъ естественныхъ чувствъ и стремленій человѣка. Въ пользу безразлично одинаковой ко всѣмъ людямъ любви ни сколько не свидѣтельствуютъ слова І. Христа о томъ, что Отецъ небесный повелѣваетъ солнцу

[1]) Лук. 9, 59—62.

[2]) Марк. 1, 29—31.

свѣтить для добрыхъ и злыхъ и дождю падать для праведныхъ и неправедныхъ, что мы должны любить даже злѣйшихъ изъ нашихъ враговъ и т. под. Всѣмъ этимъ Спаситель требуетъ отъ насъ только того, чтобы мы любили отнюдь не нѣкоторыхъ лишь людей, намъ близкихъ и угодныхъ, но вовсе не указываетъ на незаконность преимущественной любви къ кому-нибудь изъ людей. Мало того: если мы сопоставимъ наприм. слова Спасителя объ Отцѣ небесномъ, одинаково благодѣтельствующемъ злому и доброму, со многими другими Его словами, то увидимъ, что первымъ изъ этихъ словъ нельзя придавать безусловнаго смысла. Не Спаситель-ли указывалъ наприм. на Сарептскую вдову, которая одна въ средѣ голодающихъ была удостоена помощи свыше [1])? Съ другой стороны, не Самъ-ли Онъ иногда отказывалъ въ Своей чудесной помощи нѣкоторымъ лицамъ, нравственно недостойнымъ ея [2])? Благодѣтельствованіе Бога и грѣшникамъ должно, поэтому, разсматривать, какъ проявленіе педагогической мудрости и благости Отца Небеснаго и Его единороднаго Сына, а не какъ выраженіе безразлично-одинаковой любви ко всѣмъ людямъ....

Христіанство внушаетъ намъ относиться кротко и заботливо даже къ животнымъ, т. е. всячески оберегать жизнь полезныхъ изъ нихъ и не только лично не причинять имъ безъ крайней необходимости какихъ-либо страданій, но и устранять страданія, причиняемыя такимъ животнымъ другими людьми или животными же [3]). Христіанинъ не только не долженъ убивать какое-нибудь животное безъ особой нужды, но не долженъ портить и срубать даже дерева безъ уважительной причины [4]) Призваніе христіанина по отношенію къ

---

[1]) Лук. 4, 25—26.

[2]) Матѳ 13, 54—58.

[3]) Исх. 20, 10. 23, 4—5 и др Мато. 6, 26. 5, 18.

[4]) Второз. 20, 19 и др. Матѳ. 6, 28—30. 5, 48

окружающимъ его существамъ и предметамъ природы состоитъ не только въ томъ, чтобы пользоваться ими для своего духовнаго и матеріальнаго блага [1]), но и въ томъ, чтобы хранить и всячески улучшать дары природы [2]). Уже отсюда видно, что, съ другой стороны, христіанство слишкомъ далеко отъ того, чтобы поставлять животныхъ наравнѣ съ людьми и превращать послѣднихъ въ положеніе какихъ-то слугъ по отношенію къ первымъ [3]).

Таковъ христіанскій взглядъ на отношеніе человѣка къ себѣ самому, къ другимъ людямъ и къ животнымъ. Прежде всего спрашивается: можно-ли съ какой-нибудь основательностью говорить, будтобы допускаемая христіанствомъ любовь въ человѣкѣ къ самому себѣ и заботливость его о своемъ благѣ не совмѣстна съ настоящей любовью къ другимъ людямъ и съ заботливостью объ ихъ благѣ? Не справедливѣе-ли думать, что именно ученіе мнимыхъ альтруистовъ о любви къ людямъ несогласимо съ истинной любовью къ нашимъ ближнимъ и съ понятіемъ о самоотверженномъ служеніи человѣка благу другихъ? Обсудимъ и рѣшимъ эти вопросы, необходя посильными критическими замѣчаніями по возможности ни одного изъ существенныхъ положеній, образующихъ въ особенности ученіе гр. Толстаго о любви къ людямъ.

Напрасно мнимые альтруисты увѣряютъ, будтобы любовь человѣка къ себѣ самому есть неизбѣжное отрицаніе любви къ другимъ. Думающіе такъ, очевидно, произвольно смѣшиваютъ и отожествляютъ истинно-человѣческую любовь къ себѣ съ эгоизмомъ. Послѣдній, конечно, не совмѣстимъ съ дѣйствительной любовью къ другимъ Эгоизмъ есть такое настроеніе, по которому человѣкъ ставитъ свое *я* выше всего и центромъ всего, живетъ лишь для себя, относясь ко всему въ

---

[1]) Быт. 1, 26. 2, 19—20.

[2]) Быт. 2, 15.

[3]) Быт. 1, 28. Матѳ. 8, 28—32.

мірѣ, только какъ къ средству, съ помощью котораго достигается его личное благо, ни во что ставитъ высшіе интересы и призваніе человѣческаго духа и считаетъ всякія свои вожделѣнія имѣющими право на удовлетвореніе. Эгоизмъ, однако, никакъ нельзя считать необходимой и неустранимой принадлежностью всякой человѣческой личности, какъ личности. Мнимые альтруисты, признавая личность единственнымъ и неизбѣжнымъ источникомъ эгоизма, сами же и доказываютъ ошибочность своего возрѣнія уже тѣмъ, что невыдерживаютъ его и впадаютъ въ вопіющее самопротиворѣчіе. Такъ, Шопенгауеръ вынужденъ былъ признать, что человѣческой личностью движетъ отнюдь не одинъ эгоизмъ и что люди способны къ дѣяніямъ безкорыстнаго человѣколюбія и совершенно-добровольной справедливости [1]). Что касается гр. Толстаго, то и онъ не разъ повторяетъ мысль о фактическихъ проявленіяхъ въ человѣкѣ любви даже къ постороннимъ для него людямъ [2]) Мало того: онъ прямо утверждаетъ, что въ сердце всякаго человѣка заложена способность безкорыстной самоотверженной любви къ другимъ людямъ [3]). Но если это такъ, то, значитъ, любовь къ себѣ можетъ уживаться съ любовью къ другимъ по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ субъектовъ. Въ христіанинѣ-же та и другая любовь даже не раздѣльны. Въ немъ эгоизмъ не мыслимъ: больше всего онъ любитъ Бога, а любовь къ Богу вытѣсняетъ и уничтожаетъ малѣйшій проблескъ эгоизма, не давая ему никакого мѣста въ человѣческой душѣ. Любя больше всего Бога, христіанинъ не можетъ не любить и того, кого любитъ Богъ,—т. е. всякаго ближняго своего, кто бы онъ ни былъ. Любовь къ себѣ самому возбуждается и воспитывается въ христіанинѣ живымъ сознаніемъ нравственнаго достоинства

---

[1]) Стран 191 въ 4 т. *Sämmtliche Werke.*

[2]) Стран. 22 и друг. въ 13 т. *Собранія сочиненій.* Ср. сказанное на стран. 128 и 129 въ *Über Leben.*

[3]) Стран. 130 въ *Über Leben.*

человѣческой природы, созданной по образу Божію, одаренной высокими духовными свойствами и способностями, искупленной безцѣнной кровію Богочеловѣка, призванной къ самому тѣсному единенію съ Богомъ и предназначенной къ безконечному совершенствованію и неотдѣлимому отъ него блаженству. Прирожденное человѣку влеченіе къ себѣ подобнымъ неизбѣжно переходитъ у всякаго истиннаго христіанина въ сознательную и живую любовь къ нимъ подъ вліяніемъ того-же самаго сознанія высокаго достоинства и предназначенія человѣческой природы.

Однако, не достаточно сказать, что любовь къ себѣ самому вполнѣ совмѣстна съ любовью къ другимъ. Мы въ правѣ утверждать, что, только при существованіи въ насъ разумной любви къ себѣ самимъ, становится возможною любовь къ другимъ. Кто же не знаетъ, что мы вообще судимъ о потребностяхъ, нуждахъ, лишеніяхъ, скорбяхъ и радостяхъ другихъ людей не иначе, какъ по себѣ самимъ? Если-же мы нерѣдко принимаемъ близко къ сердцу и такое положеніе нашихъ ближнихъ, какаго сами не испытали, то вѣдь и въ этомъ случаѣ мы невольно ставимъ *себя* въ положеніе другихъ людей или судимъ о немъ по случавшимся съ *нами* аналогичнымъ обстоятельствамъ. Нисколько недорожа какими-нибудь своими потребностями и интересами, оставаясь совершенно безчувственными къ разнороднымъ событіямъ своей жизни и почитая вполнѣ тщетными и ничтожными всѣ свои скорби и радости, развѣ можемъ мы принимать близко къ сердцу чужіе интересы и потребности, развѣ въ состояніи быть способными къ живой отзывчивости на различныя событія въ жизни другихъ и развѣ расположены считать важными и серьезными ихъ скорби и радости? Шопенгауэръ съ гр. Толстымъ напрасно увѣряетъ, будтобы для человѣка, отрѣшившагося отъ любви къ себѣ и отъ жажды какого-либо блага для себя, даже неизбѣжно состраданіе къ другимъ съ соотвѣтственной

этому чувству дѣятельностью [1]) Напротивъ, кто уничтожилъ любовь къ себѣ и кто не имѣетъ никакихъ своихъ желаній, тотъ этимъ самымъ убилъ въ себѣ и состраданіе къ другимъ со всѣми его послѣдствіями. Для кого всякое личное благо есть призракъ или негодная вещь, для того неимѣетъ никакого значенія и всякое несчастіе, т. е. то, что̀ собственно и вызываетъ состраданіе. Уже въ самомъ понятіи о немъ заключается указаніе, что есть нѣчто, дорогое *намъ* и *нами* желаемое. Сострадать другому значитъ испытывать мучительное чувство вслѣдствіе зрѣлища страданій другаго и стараться освободиться отъ этого чувства, т. е. возстановить дотолѣ бывшее въ насъ чувство благоденствія, наслажденія, спокойствія. А если это—правда, то и выходитъ, что даже состраданіе невозможно въ людяхъ при полномъ отсутствіи въ нихъ любви къ себѣ и при совершенномъ подавленіи влеченія къ какому бы то ни было собственному благу. Тѣмъ болѣе невозможна при этомъ условіи истинная любовь къ другимъ, способная даже радоваться съ радующимися и торжествовать съ торжествующими. Человѣку, дошедшему до погашенія всякой любви къ себѣ и ничего не желающему для себя, свойственна не горячая любовь къ другимъ и не состраданіе, но—влеченіе къ такому или иному самоубійству.

Христіанское ученіе, даже узаконяющее разумную любовь человѣка къ самому себѣ, свидѣтельствуетъ и этимъ о своемъ безмѣрно—высокомъ достоинствѣ. Разумная любовь человѣка къ самому себѣ есть необходимое предположеніе разумной любви къ людямъ. Мнимые альтруисты, возстающіе противъ надлежащей люб_

[1]) Напрасно Шопенгауэръ и гр. Толстой думаютъ, что_состраданіе тожественно съ любовью. Мы любимъ Бога, но странно было-бы говорить о состраданіи къ Нему. Не мало есть и людей, по отношенію къ которымъ неумѣстно состраданіе. За тѣмъ, состраданіе можетъ условливаться любовью къ людямъ, но возможно и безъ всякой любви къ нимъ. Есть не мало нервозныхъ, чувствительныхъ людей, готовыхъ сострадать чѣму угодно, но необнаруживающихъ искренней любви къ ближнимъ...

ви человѣка къ самому себѣ и требующіе отъ него отреченія отъ всякого блага его личности, тѣмъ самымъ лишаютъ человѣка возможности любить другихъ и заботиться объ ихъ благѣ [1]).

Нельзя признать основательною и ту мысль, будтобы всякая забота человѣка о своемъ благѣ есть прямое посягательство на благо другихъ. Какое-же посягательство на благо другихъ обнаруживаетъ человѣкъ, старающійся уяснить себѣ сущность своей природы, ея назначеніе и отношеніе къ Богу и вообще удовлетворить самымъ кореннымъ и незаглушимымъ запросамъ своего разума, поставляющій своимъ долгомъ выработать въ себѣ христіански-доброе нравственное настроеніе и стремящійся возможно лучше подготовиться къ какому-либо земному призванію своему и наисовершеннѣе выполнять его? Все то, чего достигнетъ такой человѣкъ и чѣмъ внутренно овладѣетъ онъ, есть несомнѣнно благо его, не отдѣлимое отъ него. Но кто же скажетъ, что, усиливаясь пріобрѣсти его и располагать имъ, человѣкъ нанесъ и наноситъ какой-либо ущербъ благу другихъ людей? Напротивъ, тѣмъ лучше для другихъ людей, чѣмъ больше мы будемъ заботиться о пріобрѣтеніи такого блага и объ обладаніи имъ. Нельзя безусловно утверждать и того, будтобы, какъ увѣряетъ гр. Толстой, всякое плотское благо получается однимъ существомъ только въ ущербъ другому.

Прежде всего замѣчу, что еслибы это было такъ, въ такомъ случаѣ гр. Толстой не долженъ-бы дозволять принимать какое-нибудь матеріальное благо, даже добровольно уступаемое намъ другими людьми. Вѣдь то, что намъ пожертвуютъ другіе, тоже можетъ оказаться нужнымъ кому-нибудь другому. Слѣдов. принять жертвуемое значитъ нанести ущербъ другимъ. Чтобы не причинять никому ущерба принятіемъ и жертвуемаго, не должны-ли мы прежде, чѣмъ воспользоваться даруемымъ, убѣдиться, что ни близъ насъ, ни во *всемъ* мірѣ нѣтъ никого, нуждающагося въ томъ-же дарѣ? Понятно,

---

[1]) Лук. 6, 31.

пока человѣкъ дѣлаетъ такіе розыски, то, при отсутствіи близкихъ по мѣсту претендентовъ, онъ умретъ или отъ голода, или отъ холода, или отъ жажды. Впрочемъ, всегда найдутся и вблизи люди, готовые воспользоваться чужимъ добромъ, а потому такая смерть остается неизбѣжностью. Вотъ къ чему ведетъ мысль, будтобы всякое плотское благо, какимъ мы располагаемъ, соединено съ ущербомъ для другихъ и будтобы мы недолжны даже и похристіански заботиться о пріобрѣтеніи какого-нибудь матеріальнаго блага! Здравый взглядъ на дѣло не допускаетъ того, чтобы *всякая* забота о своемъ благѣ и *всякое*, нами пріобрѣтенное, матеріальное благо наносили ущербъ *нравственно-законному* благу другихъ.

Если кто-нибудь предпринялъ въ часы, свободные отъ его занятій, прогулку на свѣжемъ воздухѣ для возстановленія и укрѣпленія своихъ физическихъ силъ и своего здоровья, то развѣ отнимаетъ онъ тѣмъ самымъ какое нибудь матеріальное благо у другихъ или покушается на него? Напротивъ, тѣмъ лучше для всѣхъ лицъ, благо коихъ соприкасается съ жизнедѣятельностью этого человѣка, если онъ, посвящающій свои силы и свою жизнь какому-нибудь общеполезному труду, будетъ владѣть надлежащимъ здоровьемъ. Далѣе, еслибы кто-нибудь наловилъ рыбы въ рѣкѣ или озерѣ, несоставляющихъ чужой собственности, или набралъ грибовъ и ягодъ въ лѣсу, входъ въ который открытъ для всякаго не лѣниваго, то развѣ мы въ правѣ сказать, что все это сдѣлавшій нанесъ ущербъ чьему-либо матеріальному благосостоянію? Напротивъ, если бѣдный человѣкъ, нуждающійся въ пропитаніи, старается прокормить себя и свою семью не попрошайствомъ, не кражею, но ловлею-ли рыбы, собираніемъ-ли ягодъ, или другимъ какимъ-нибудь производительнымъ трудомъ, то онъ не только не наноситъ ущерба благосостоянію другихъ, но, напротивъ, содѣйствуетъ ему, не ложась бременемъ на плечи другихъ. Затѣмъ, представимъ себѣ, что, напримѣръ, крестьянинъ—домовладѣлецъ весьма заботится

о предохраненіи своего дома отъ пожара. Если есть возможность, онъ насадилъ вокругъ своей хаты побольше тѣнистыхъ лиственныхъ деревьевъ. Онъ держитъ у дома своего и въ немъ постоянно-достаточный запасъ воды и ведеръ и имѣетъ лѣстницу для взлѣзанія на кровлю дома. Самъ онъ крайне осторожно обращается съ огнемъ и настоятельно требуетъ того же отъ всѣхъ домашнихъ. Печка въ его домѣ крѣпкая, и труба въ ней аккуратно чистится. Топка печки производится всегда съ надлежащей осторожностью. Въ страдную пору непремѣнно остается у такого крестьянина надежное лицо для надзора за дѣтьми и домомъ. Хозяинъ не ляжетъ ночью спать прежде, чѣмъ улеглись другіе и неосмотрѣнъ домъ со всѣхъ сторонъ. Курсніе табаку и питье чая недопускается у него въ домѣ, какъ убыточная и вредная прихоть. Въ такихъ заботахъ о предохраненіи своего дома отъ пожара крестьянинъ видитъ прямой свой долгъ и по отношенію къ интересамъ сосѣдей. Всякій согласится, что заботы эти могутъ быть лишь благодѣтельными для всѣхъ домовладѣльцевъ какого-нибудь села или деревни. Наконецъ, крестьянинъ, съ особой рачительностью относящійся къ надлежащему воздѣлыванію своего участка пахотной земли, развѣ наноситъ какой-нибудь ущербъ матеріальному благосостоянію другихъ? Напротивъ. все, что́ онъ ни дѣлаетъ для того, чтобы даже плохая почва давала возможно-бо́льшее количество ржи, овса, гречи, гороху и тому подобнаго пищеваго матеріала, способно благотворно вліять не только на благосостояніе членовъ его собственной семьи, но и на благосостояніе окружающихъ его земледѣльцевъ.

Итакъ, разумная, согласная съ требованіями христіанской нравственности, забота о своемъ матеріальномъ благѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить къ ущербу для благосостоянія другихъ людей. Напротивъ, она способна содѣйствовать ему. Христіански-настроенный человѣкъ не только чуждъ какой-либо алчности и какихъ-либо хищническихъ поползновеній въ заботахъ о своемъ матеріальномъ благѣ, но и благоразумныя

заботы о немъ можетъ направлять и направляетъ къ тому, чтобы если не всегда прямо, то по крайней мѣрѣ косвенно послужить благу другихъ.

Не христіанство подрываетъ любовь къ другимъ и интересы ихъ благосостоянія дозволеніемъ людямъ любить себя самихъ и заботиться о своемъ благѣ. но мнимый альтруизмъ, хотя послѣдній и выставляетъ принципомъ человѣческаго поведенія правило: *люби другихъ больше, чѣмъ себя самаго, и живи не для себя, а для другихъ!* Такъ какъ правило это органически связано съ взглядомъ мнимыхъ альтруистовъ на всякую человѣческую личность, то прежде всего рождается вопросъ о томъ, вытекаетъ-ли изъ этого взгляда необходимость даже какой бы то ни было любви къ людямъ и жизни для ихъ блага? На этотъ вопросъ логически ожидаемъ лишь отрицательный отвѣтъ.

Любовь возможна и имѣетъ разумный смыслъ только по отношенію къ тому, что́ имѣетъ какую-нибудь положительную цѣнность и несомнѣнное достоинство. Предметъ имѣетъ тѣмъ больше правъ на нашу любовь. чѣмъ онъ выше по своей природѣ, по своимъ качествамъ и вообще по своему положенію въ мірѣ. Таковы требованія разума и справедливости въ отношеніи къ предметамъ нашей любви. Христіанство безусловно удовлетворяетъ этимъ требованіямъ разума и справедливости, заповѣдуя намъ любить нашихъ ближнихъ, какъ себя самихъ. Личности человѣческія сами по себѣ съ христіанской точки зрѣнія не только — не зло, не суета и не ничтожество, но всѣ *одинаково* имѣютъ высокое достоинство и значеніе. Здѣсь, поэтому, вполнѣ понятна и естественна наша любовь къ людямъ, какъ къ себѣ самимъ. Совсѣмъ иначе представляется дѣло съ точки зрѣнія гр. Толстаго и его руководителей. Тутъ не только неумѣстна, но и беззаконна любовь къ какой бы то ни было человѣческой личности. Въ самомъ дѣлѣ, если моя собственная личность и моя личная жизнь суть зло, суета и ничтожество, то вѣдь и всякія другія личности тоже – зло, суета и ничтожество. Количе-

ство личностей, конечно, ничего не измѣняетъ и не должно измѣнять въ дѣлѣ ихъ оцѣнки. Если мы возьмемъ цѣлое человѣчество, то и оно, какъ собраніе отдѣльныхъ личностей, тоже должно быть зломъ, суетою и ничтожествомъ. Напрасно Ог. Контъ признаетъ человѣчество какимъ-то органическимъ существомъ. Послѣднее всегда обладаетъ какимъ-либо общимъ для всѣхъ частей, его образующихъ, чувствилищемъ, благодаря коему наприм. боль, причиненная одной части, ощущается имъ, какъ *его* боль. Но развѣ обладаетъ человѣчество, какъ совокупность людей, какимъ-нибудь центральнымъ чувствовательнымъ органомъ? Не будучи организмомъ, человѣчество существуетъ лишь въ отдѣльныхъ одинъ отъ другаго индивидуумахъ, а не зависимо отъ нихъ оно не есть какая-нибудь реальность, но просто—наше отвлеченное представленіе, существующее лишь въ нашемъ мышленіи. Спрашивается: если мы въ сущности даже не въ правѣ любить себя, свою личность, то на какомъ же основаніи мы стали бы больше себя любить другихъ личностей, которыя, какъ и мы, тоже суть зло, суета и ничтожество? Это нельзя не признать крупнымъ самопротиворѣчіемъ. Коль скоро сами мы не должны заботиться объ удовлетвореніи интересовъ и потребностей своей личности, то съ какой-же стати мы обязываемся самоотверженно хлопотать объ удовлетвореніи интересовъ и потребностей другихъ личностей? Вѣдь это значитъ утверждать индивидуальное бытіе и поддерживать вожделѣнія чьей бы то ни было личности. Но дѣлать это несогласно съ понятіемъ объ индивидуальномъ бытіи и о личныхъ вожделѣніяхъ, какъ о злѣ, суетѣ и ничтожествѣ. Здравый смыслъ и послѣдовательность требуютъ, чтобы, забывая свою личность съ ея вожделѣніями, какъ зло, суету и ничтожество, забывать и всѣ остальныя личности съ ихъ вожделѣніями. Сказанное о людяхъ приложимо и къ животнымъ. Вѣдь индивидуумы животнаго царства тоже суть зло, суета и ничтожество. Значитъ, странно тяготѣть къ нимъ нашимъ сердцемъ и заботиться объ ихъ индивидуальномъ

благѣ. Вниманіе къ животнымъ и заботливость о нихъ понятны лишь съ христіанской точки зрѣнія. Для христіанина индивидуумы животнаго царства суть творенія премудро-всемогущаго Существа и уже по этому заслуживаютъ соотвѣтственнаго ихъ природѣ вниманія и береженія.

Такимъ образомъ, исходя изъ точки зрѣнія гр. Толстаго и его руководителей на всякую личность, на всякую индивидуальность, какъ на зло, суету и ничтожества, мы вынуждаемся признать противорѣчивою и даже противонравственною всякую любовную дѣятельность однѣхъ личностей, направленную къ утвержденію и развитію жизни какихъ бы то ни было другихъ индивидуумовъ.

Между тѣмъ, въ ученіи гр. Толстаго и его главнаго руководителя, Шопенгауэра, есть и другія важныя основанія къ тому, чтобы однѣ личности отнюдь не заботились объ устроеніи блага другихъ личностей. Чѣмъ больше страдаютъ послѣднія, тѣмъ лучше для нихъ. Страданія, по взгляду этихъ мнимыхъ альтруистовъ, въ сущности представляютъ собою великое благо, такъ какъ они заставляютъ личность понять эфемерность ея бытія и тщету ея погони за счастьемъ и вынуждаютъ жаждать скорѣйшаго сліянія съ всеединой сущностью міра и исчезновенія въ ней. Гр. Толстой десятки разъ повторяетъ, что страданія суть то, что „и должно быть“. и что вообще они безусловно благодѣтельны [1]). А если это такъ, то зачѣмъ же однѣмъ личностямъ усердствовать въ дѣлѣ освобожденія другихъ личностей отъ страданій? Вѣдь это значитъ нарушать то, что *должно* быть, и устранятъ то, что весьма благодѣтельно для людей. Съ другой стороны, представляется даже совершенно напрасною и безплодною любовная дѣятельность, предпринимаемая однѣми личностями для улучшенія положенія

[1]) Стран. 70, 80 и др. въ 13 ст. *Собранія сочиненій*. Ср. сказанное на стран. 175 въ *Über Leben*.

другихъ индивидуумовъ. Вслѣдъ за Шопенгауэромъ и Гартманомъ гр. Толстой утверждаетъ, что жизнь человѣческая никогда не въ состояніи стать сколько-нибудь счастливою. Мало того: онъ категорически завѣряетъ, что не существуетъ, будтобы, *никакого* различія въ положеніи людей, съ одной стороны, бѣдныхъ и больныхъ, а, съ другой, матеріально-состоятельныхъ и здоровыхъ, что различеніе лучшихъ и худшихъ, счастливыхъ и несчастныхъ положеній людскихъ есть *чисто-оптическій обманъ* и что существованіе личности человѣка *не можетъ* быть сдѣлано сколько-нибудь счастливымъ *никакими* улучшеніями внѣшнихъ его условій [1]). Не очевидно-ли для всякаго, что съ точки зрѣнія мнимыхъ альтруистовъ, *послѣдовательно проводимой*, совершенно напрасно и безполезно предпринимать что-либо для споспѣшествованія благу другихъ людей? Всякія такія предпріятія — не болѣе, какъ толченіе воды или наполненіе бездонной бочки водою.

Итакъ, правило мнимыхъ альтруистовъ, требующее отъ человѣка, чтобы онъ любилъ другихъ больше, чѣмъ себя, и жилъ не для себя, а для другихъ, лишено всякаго смысла. Мало того: поступать согласно съ нимъ значило-бы погрѣшать противъ основнаго воззрѣнія мнимыхъ альтруистовъ на индивидуумовъ и ихъ благо и совершать нѣчто злое, дурное, а не только что безполезное. Но и независимо отъ всего этого, правило: *живи не для себя, а для другихъ* должно быть признано какъ противнымъ понятію о нравственной жизни человѣка вообще и въ частности о его любовномъ служеніи благу другихъ людей, такъ и непримѣнимымъ ко многимъ людямъ.

Правило это разсматриваетъ человѣка поязычески, какъ средство для достиженія блага другими людьми, и въ сущности устраняетъ всякія обязанности человѣка въ отношеніи къ себѣ самому. Нѣтъ ничего противнѣе истинно-христіанскому взгляду на вещи, какъ такое

---

[1]) Стран. 146 и друг. въ. *Über Leben.*

воззрѣніе на человѣческую личность. Съ христіанской точки зрѣнія представляется великимъ грѣхомъ видѣть въ человѣческой личности не болѣе, какъ средство къ достиженію постороннихъ для этой личности цѣлей, какъ бы послѣднія ни казались хорошими. Человѣкъ прежде всего призванъ выполнять и осуществлять свое собственное личное назначеніе и призваніе. Цѣль его дѣятельности прежде всего лежитъ не внѣ его, а въ немъ самомъ. Онъ имѣетъ обязанности не въ отношеніи къ другимъ только, но и въ отношеніи къ себѣ самому. Будучи высшимъ на землѣ твореніемъ Божіимъ, человѣческая личность прежде всего призвана къ тому, чтобы усовершать себя въ духовномъ, преимущественно же въ религіозно-нравственномъ, отношеніи, а потому и обязана прежде всего направлять свою дѣятельность и свои усилія на достиженіе этого своего назначенія, этой своей цѣли. Поэтому, еслибы человѣкъ находился даже одинъ на землѣ, внѣ общенія съ такими-же личностями, какъ онъ, и тогда не только онъ могъ-бы жить нравственной жизнью, но и способенъ былъ-бы достигать высокой степени нравственнаго совершенства, подчиняя свои тѣлесные инстинкты и вожделѣнія интересамъ духа, развивая въ себѣ чистое душевное настроеніе, недопускающее никакого антинравственнаго душевнаго движенія, достойно человѣка относясь къ окружающимъ существамъ и предметамъ природы, осмысливая высшей идеею невзгоды и радости своей одинокой жизни и никогда непрерывая своего внутренняго общенія съ высочайшимъ Существомъ. Не странно-ли же говорить, будтобы доброе заключается лишь въ чувствованіяхъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ, имѣющихъ предметомъ другихъ людей, а не себя? Говорить это значитъ уничтожать всякую нравственную точку зрѣнія на дѣло и вносить непримиримое противорѣчіе въ человѣческую моральную жизнь. Съ истинно-нравственной точки зрѣнія душевная чистота, духовное цѣломудріе, самообладаніе, бдительность и чуткость человѣка ко всему, происходящему внутри его, нужны ему не менѣе, чѣмъ состраданіе, лю-

бовь и энергическая готовность послужить себѣ подобнымъ [1]). Къ сожалѣнію, эту несомнѣнную истину забываютъ люди. восхищающіеся правиломъ: *живи для другихъ* и несоображающіе невозможности жить для другихъ безъ жизни и для себя.

Принципъ: *живи для другихъ* не только невыражаетъ, а, напротивъ, попираетъ и нарушаетъ требованія истинной любви къ людямъ и плодотворнаго служенія ихъ благу. Требующіе, чтобы всякій человѣкъ жилъ не для себя, а для другихъ. опускаютъ изъ виду, что именно истинная любовь къ людямъ и требуетъ, чтобы человѣкъ предварительно хорошо подготовился къ служенію другимъ и вообще постоянно совершенствовался духовно въ разныхъ отношеніяхъ. Кто искренно и серьезно любитъ людей, тотъ не можетъ считать себя правоспособнымъ слугою ихъ, пока не созрѣетъ для этого нравственно, умственно и всячески. Начавши свое служеніе людямъ послѣ предварительной подготовки къ нему, человѣкъ, искренно и серьезно любящій людей, никогда не можетъ оставить заботъ о дальнѣйшемъ своемъ совершенствованіи. Но какъ же возможна эта предварительная подготовка къ служенію людямъ и это дальнѣйшее совершенствованіе въ видахъ того-же наилучшаго служенія людямъ, коль скоро человѣкъ не жилъ и не живетъ для *себя*—для своего нравственнаго развитія. для выработки здраваго міровоззрѣнія, для обогащенія нужными научными познаніями, для ознакомленія съ какимъ-либо ремесломъ и т. под. [2])? Неговоря уже о другихъ различныхъ видахъ житейскаго труда на пользу свою и ближнихъ. даже земледѣльческій разумный трудъ требуетъ сложныхъ познаній и достаточной практической подготовки, чтобы онъ былъ

[1]) Стран 69 въ перв. отдѣлѣ 5-й кн. *Вопросовъ философіи и психологіи.*

[2]) Получить-же все это въ качествѣ *дара* отъ другихъ невозможно: требуется личный интересъ и личная самодѣятельность для пріобрѣтенія всего этого ...

надлежаще производительнымъ и приносилъ людямъ возможно больше пользы особенно при дурныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ. Не странно-ли же выставлять девизомъ человѣка: *живи для другихъ* и въ тоже время вмѣнять ему какъ-бы въ обязанность нисколько не думать о надлежащемъ подготовленіи къ плодотворной жизни для другихъ? Между тѣмъ, пока *существенно* не измѣненъ этотъ девизъ, человѣкъ дѣйствительно обязывается служить другимъ, но безъ всякой подготовки. Хороша любовь къ ближнимъ, выражающаяся въ такомъ девизѣ, который отрицаетъ ее!

Принципъ: *живи для другихъ* неможетъ быть, наконецъ, признанъ пригоднымъ и обязательнымъ для всѣхъ людей. Каждый человѣкъ, пока недостигнетъ извѣстнаго возраста, неизбѣжно нуждается въ уходѣ и въ постоянныхъ заботахъ о немъ со стороны другихъ людей. За тѣмъ, нѣкоторые люди съ ранняго дѣтства подвержены какой-нибудь болѣзни или увѣчью, дѣлающимъ ихъ рѣшительно неспособными жить для другихъ и постоянно нуждающимися въ постороннихъ попеченіяхъ о себѣ. Нерѣдки и такіе случаи, когда человѣкъ, начавши жить и трудиться для другихъ, вдругъ навсегда дѣлается калѣкою вслѣдствіе какой-нибудь несчастной случайности или заполучаетъ неизлѣчимую болѣзнь. Развѣ можетъ такой человѣкъ послѣ постигшей его бѣды жить и трудиться для другихъ? Онъ самъ нуждается въ призрѣніи и содержаніи со стороны добрыхъ людей. А старики и старухи, утратившіе всякія силы и впавшіе въ полудѣтское состояніе, развѣ могутъ выполнять принципъ: *живи для другихъ*? Между тѣмъ, онъ долженъ имѣть общеобязательное значеніе тамъ, гдѣ человѣкъ разсматривается поязычески, просто какъ средство къ достиженію цѣлей, лежащихъ внѣ его, и гдѣ матеріальныя блага, какими человѣкъ можетъ располагать, должны быть получаемы отъ другихъ за самоотверженное служеніе имъ. Такимъ образомъ, основной принципъ, предъявляемый всѣмъ безъ исключенія людямъ, какъ руководящее правило ихъ жизни, отличается, кромѣ дру-

гихъ несостоятельныхъ своихъ сторонъ, рѣшительной неприложимостью къ цѣлому кругу людей. Нужно-ли много разъяснять, что и въ этомъ случаѣ христіанское ученіе безконечно превосходитъ ученіе мнимыхъ альтруистовъ? Начиная съ ребенка. вступившаго въ сознательный періодъ жизни, и оканчивая дряхлыми старцами, всѣ люди, почему-либо неспособные къ дѣятельности на благо другихъ, не только могутъ жить истинно-нравственной жизнію, но и способны обладать высокими нравственными качествами: душевной чистотою, кротостью. христіански-мужественнымъ перенесеніемъ особаго несчастья, постигшаго какого-нибудь изъ нихъ, высокимъ религіознымъ настроеніемъ, глубокой симпатіей ко всѣмъ людямъ, задушевной признательностью къ благодѣтелямъ и тому подобными качествами, а чрезъ это въ состояніи благотворно вліять и на окружающихъ ихъ людей и слѣдов. быть для послѣднихъ весьма полезными.

Какъ видимъ, выставляемый мнимыми альтруистами принципъ: *люби другихъ больше, чѣмъ себя, и живи не для себя, а для другихъ*, не только представляетъ собою попраніе и отрицаніе дѣйствительной любви къ людямъ, но и является во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельнымъ. Равнымъ образомъ, никакъ нельзя признать согласнымъ съ истинной любовью къ людямъ вытекающія изъ главнаго принципа частнѣйшія правила: а) *никому не вреди* и б) *всѣмъ, сколько можешь, помогай*, какъ эти правила истолковываются въ особенности гр. Толстымъ.

Никому не вредить съ его точки зрѣнія значитъ никогда ни на кого не гнѣваться, ни кому и ни въ чемъ не клясться. никогда и ни съ кѣмъ не судиться, никогда и ни надъ кѣмъ неупотреблять ни малѣйшаго насилія и не вступать въ бракъ. Всего этого, будтобы, требуетъ любовь къ людямъ, такъ какъ съ нею несовмѣстно-де причиненіе чего-либо не пріятнаго кому бы то ни было. Но такъ-ли это? Подобное пониманіе любви не есть-ли скорѣе отрицаніе ея? Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Любить не значитъ дѣлать всѣмъ лишь пріятное уже по тому одному, что, доставляя пріятное однимъ людямъ, весьма легко, а иногда и неизбѣжно причиняемъ непріятное другимъ людямъ. Воздавая должное одобреніе благороднымъ поступкамъ одного человѣка, мы тѣмъ самымъ невольно причиняемъ непріятное другому, дѣйствія коего отличаются низостью и вѣроломствомъ. Любить и вообще не значитъ непремѣнно дѣлать лишь пріятное людямъ. Въ противномъ случаѣ, мы должны были-бы помогать лжецамъ, интриганамъ, ворамъ, грабителямъ, поджигателямъ, убійцамъ и всѣмъ разнообразнымъ злодѣямъ въ совершеніи ими темныхъ преступныхъ дѣлъ. Истинная любовь нерѣдко причиняетъ непріятность и даже страданіе любимому ради его блага. Родители изъ-за любви къ дѣтямъ нерѣдко бываютъ вынуждены не только дѣлать имъ рѣзкіе выговоры и замѣчанія, но и подвергать ихъ какимъ-нибудь чувствительнымъ временнымъ лишеніямъ и наказаніямъ. Врачъ не только изъ-за гонорара, но и изъ-за жалости къ больному причиняетъ ему иногда жестокія страданія совершеніемъ какой-нибудь операціи, необходимой для блага паціента.

Но если любить людей не значитъ непремѣнно дѣлать всѣмъ имъ только пріятное и угодное, то развѣ можемъ мы, искренно любя людей, не возмущаться и быть чуждыми всякаго негодованія, когда наши ближніе дѣлаются жертвою не только незаслуженныхъ обидъ и оскорбленій словомъ, но даже самой зловредной эксплоатаціи и систематическаго грабежа [1])? Искренно любя людей, развѣ мы въ состояніи удержаться отъ привлеченія къ судебной карѣ или къ административной расправѣ тѣхъ, кто отнимаетъ послѣднее достояніе у нашихъ ближнихъ путемъ обмана или подлога и чрезъ то обрекаетъ цѣлыя семейства на безъисходную нищету и ядовитое горе [2])? Если ни наши увѣщанія,

[1]) Марк. 3, 5. 12, 40 и др.

[2]) Матѳ. 23, 23. Лук. 18, 2—6.

обращенныя къ хищнику, ни наша готовность пожертвовать собственнымъ достояніемъ ради спасенія ближнихъ отъ грозящей имъ бѣды не имѣютъ успѣха, то съ нашей стороны было-бы безсердечіемъ не прибѣгнуть къ власти для охраненія интересовъ ближняго отъ явнаго ущерба. Точно также искренняя любовь къ людямъ никогда не дозволитъ уклониться отъ клятвы или присяги, коль скоро чрезъ это обезпечивается такъ или иначе благо нашихъ ближнихъ, устраняется опасная для него недовѣрчивость между людьми и вообще возстановляется истина въ своихъ правахъ [1]). Съ живой и глубокой любовью къ людямъ несовмѣстно отрицаніе принудительнаго порядка и власти среди людей, т. е. государства. Для истинно любящаго людей дорого всё то, что надлежаще содѣйствуетъ ограниченію дикаго произвола, установленію справедливости въ людскихъ отношеніяхъ и вообще духовному и матеріальному ихъ благу. Истинная любовь къ людямъ не можетъ не внушать всевозможной заботливости о томъ, чтобы государство наилучше выражало и воплощало въ себѣ начала правды и добра, но она рѣшительно несовмѣстна съ отрицаніемъ государства [2]). Искренно любя людей, развѣ можетъ человѣкъ не прибѣгнуть къ насилію, самъ рискуя погибнуть, если видитъ, какъ злые люди собираются ограбить или убить кого-нибудь изъ его ближнихъ, и если оказываются рѣшительно безполезными одни усовѣщиванія и урезониванія [3])? Та же любовь къ страждущимъ собратьямъ не допуститъ человѣка отказаться отъ участія въ войнѣ, предпринятой для спасенія какаго-нибудь народа отъ грабежа, отъ всяческихъ насилій и отъ убійствъ, производимыхъ какимъ-нибудь другимъ народомъ, алчнымъ до легкой добычи и кровожаднымъ [4]). Пассивное со-

[1]) Матѳ. 26, 63—64.

[2]) Лук. 20, 25.

[3]) Іоан. 2, 15. Лук. 11, 21—22.

[4]) Лук. 3, 14. Іоан. 15, 13.

зерцаніе того, какъ грабятъ или убиваютъ отдѣльныхъ-ли лицъ или цѣлыя племена, несовмѣстно не только съ горячей и глубокой любовью къ людямъ, но даже съ какой бы то ни было неподдѣльной любовью. Пассивно созерцать всё это значитъ содѣйствовать злодѣяніямъ и косвенно принимать въ нихъ личное участіе. Мало того: это значитъ не любить и совершающихъ злодѣянія. Наше противодѣйствіе имъ можетъ отклонить ихъ отъ совершенія наибольшаго зла. а слѣдов. и отъ наибольшей нравственной и всякой другой отвѣтственности.

Несовмѣстно, наконецъ, съ живой и горячей любовью къ людямъ и отрицаніе брака. Если, по воззрѣнію гр. Толстаго, любить людей значитъ дѣлать имъ пріятное и не причинять имъ страданій, то съ какой-же стати обрекать всѣхъ людей на безбрачіе, когда для многихъ изъ нихъ семейная жизнь можетъ быть и бываетъ важнѣйшимъ доступнымъ источникомъ утѣшеній и радостей? Стремленіе-же къ ней не есть какая-либо прихоть, измышленная людьми, но составляетъ чистонатуральное явленіе. Это — потребность, вложенная въ человѣка самимъ Богомъ [1]). Несовмѣстимо отрицаніе брака съ истинной любовью и потому, что отношенія родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ представляютъ самую естественную почву для воспитанія безкорыстныхъ сердечныхъ симпатій и для проявленія самоотверженной любовной дѣятельности. Ради существованія матеріально необезпеченныхъ дѣтей запрещать людямъ вступленіе въ бракъ не значитъ дѣлать это изъ-за любви *вообще* къ людямъ. Послѣдняя требуетъ того только, чтобы женатые заботились и о чужихъ дѣтяхъ, матеріально необезпеченныхъ, но не того, чтобы люди вовсе не женились. Спаситель, сама воплощенная Любовь къ людямъ, не упрекалъ брачущихся за то, что они вступали въ бракъ, не смотря

---

[1]) Быт. 2, 24 9. 1. Матѳ. 19. 3—6 и 13—15.

на существованіе дѣтей, матеріально необезпеченныхъ, а требовалъ лишь и отъ женатыхъ, и отъ неженатыхъ дѣятельной заботливости о голодающихъ, жаждущихъ и т. д. [1]). Не допускать вступленія въ бракъ при существованіи матеріально необезпеченныхъ дѣтей нашъ писатель съ своей точки зрѣнія могъ-бы только въ томъ случаѣ, еслибы онъ призналъ незаконнымъ со стороны человѣка пользоваться даже и пожертвованными ему благами при существованіи какихъ-либо претендентовъ на нихъ, гдѣ бы они ни находились....

Если правило: *никому не вреди* въ томъ истолкованіи, какое дается ему въ особенности однимъ изъ мнимыхъ альтруистовъ, идетъ противъ истинно-христіанской любви къ людямъ, то и правило: *всѣмъ помогай, сколько можешь*, какъ оно понимается тѣмъ-же

---

[1]) Іоан. 2, 1—11. Мато. 25, 34—46. Гр. Толстой, желая во что бы то ни стало отвергнуть бракъ, пускается въ разные софизмы. Такъ, онъ увѣряетъ, будтобы Богъ сотворилъ людей способными къ брачной жизни вслѣдствіе того только, что при этомъ людямъ возможнѣе осуществить «законъ любви» хотябы въ отдаленныхъ поколѣніяхъ (стран. 299 въ 13 т *Собранія сочиненій*). Напротивъ, не это, очевидно, было причиною созданія Богомъ людей способными къ брачной жизни. Ангелы сотворены-же, между прочимъ, и для исполненія «закона любви», но не суть существа, способныя къ брачной жизни. Съ другой стороны, еслибы брачная жизнь сама по себѣ была зломъ, то Богу незачѣмъ было творить и людей способными къ такой жизни. Какъ премудро-всемогущій, Онъ, и не дѣлая людей способными къ брачной жизни, могъ-бы размноженіе ихъ поставить въ надежныя условія.... Напрасно также ссылается гр. Толстой на то, будтобы съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи людская порода должна воспитывать, подобно пчеламъ, безполыхъ людей, чтобы лучше удержаться въ борьбѣ съ животными (Ibid.). Напротивъ, съ эволюціонной точки зрѣнія важно, чтобы человѣческая порода безпрепятственнѣе размножалась особенно въ лицѣ наиболѣе альтруистически настроенныхъ, сильныхъ и даровитыхъ ея представителей (стран. 239 и др. въ сочиненіи Спенсера: *Основанія науки о нравственности*). Впрочемъ, гр. Толстой самой ссылкою своею на существованіе *безполыхъ* индивидуумовъ у пчелъ доказалъ рѣшительную несостоятельность мнѣнія своего о недозволительности брака въ средѣ человѣческой....

мнимымъ альтруистомъ, нисколько не выражаетъ подлинныхъ требованій этой любви. По взгляду его нужно служить, кому бы ни пришлось, ручнымъ и преимущественно земледѣльческимъ трудомъ, но отнюдь не допускать денежной помощи даже и нуждающимся въ ней. Отдавая свой трудъ непремѣнно другимъ людямъ, человѣкъ, будтобы, обязанъ водворять и между животными единеніе просвѣщеніемъ ихъ и жертвами въ пользу ихъ. Какъ ни кажется на поверхностный взглядъ возвышеннымъ такое пониманіе правила: *сколько можешь, всѣмъ помогай*, оно на самомъ дѣлѣ дѣйствительно несогласимо съ истинной любовью къ людямъ.

Послѣдняя прежде всего требуетъ, чтобы мы помогали *истинно-нуждающимся* и заботились о поставленіи ихъ самихъ въ такое положеніе, въ которомъ они могли-бы опираться на себя самихъ и самостоятельно обезпечивать себѣ средства къ жизни. Отдавать же свое время, свои силы и свой трудъ всякому, кто-бы ни заявилъ на нихъ притязаніе. въ большинствѣ случаевъ значитъ потворствовать лѣности и алчности дурныхъ людей. Честные и трудолюбивые люди обыкновенно поставляютъ своимъ священнымъ долгомъ пріобрѣтать собственнымъ трудомъ средства къ жизни и отнюдь не ложиться бременемъ на другихъ, хотя-бы послѣдніе и готовы были работать на нихъ. Согласно-ли же съ истинной любовью къ людямъ поощрять тунеядство или алчность нравственно-испорченныхъ людей? Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ наприм. въ Пензенской, есть цѣлыя волости, крестьяне коихъ, не смотря на свою относительную зажиточность, въ большинствѣ своемъ занимаются профессіональнымъ нищенствомъ и съ осени до лѣта покидаютъ свои жилища для бродяжнической попрошайнической жизни [1]). Они весьма рады были-бы, еслибы и лѣтомъ могли нисколько не

---

[1]) См. 115 № газеты: *Свѣтъ* за 1891 г. Такой жизни предаются въ особенности крестьяне трехъ волостей саранскаго уѣзда: Воево..ской, Нерлейской и Архангельско-Голицинской.

работать, будучи замѣняемы добровольными безкорыстными работниками. Не только работать за такихъ и для такихъ крестьянъ, но и вообще помогать имъ значило-бы болѣе и болѣе нравственно растлѣвать ихъ. По словамъ Божественнаго Учителя христіанинъ долженъ быть не только простъ, какъ голубь, но и мудръ, какъ зміи, въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ [1]), и отнюдь не быть хотя-бы и косвенной причиною нравственной порчи и растлѣнія своихъ ближнихъ [2]). Только такое поведеніе относительно ихъ есть выраженіе истинно-христіанской любви. Человѣкъ, одушевленный ею, откажетъ въ трудѣ-ли своемъ или въ матеріальной помощи и просящему о нихъ, коль скоро *основательно* убѣжденъ, что его трудъ или матеріальная помощь послужатъ только къ поддержкѣ тунеядства, алчности, пьянства, разврата и т. под. Спаситель не даромъ вездѣ, во всѣхъ словахъ Своихъ, касающихся нашего служенія матеріальному благу ближнихъ, говоритъ только о дѣйствительно голодающихъ, жаждущихъ, неимущихъ крова и т. под. Если Спаситель отказывалъ въ Своей чудесной помощи недостойнымъ ея и неспособнымъ воспользоваться ею къ своему благу, то и истинный христіанинъ не долженъ служить другимъ, нисколько не разбирая, кому и зачѣмъ служить и что́ выйдетъ изъ его служенія для истиннаго блага людей?

Несогласно съ истинною любовью къ людямъ и требованіе служить имъ исключительно физическимъ трудомъ. Она обязываетъ и вдохновляетъ человѣка на оказываніе людямъ такой помощи, какая имъ *нужна* въ *ихъ* положеніи и какая *сообразна* съ *ихъ* истиннымъ благомъ. Достойна христіанской любви къ людямъ и непремѣнно требуется ею всякая цѣлесообразная помощь имъ, будетъ-ли она состоять въ привлеченіи тунеядцевъ и лѣнивцевъ къ усердному, честному

---

[1]) Матѳ. 10, 16.

[2]) Матѳ. 18, 6.

и производительному труду, или въ развитіи и укрѣпленіи христіанскихъ религіозно-нравственныхъ убѣжденій и стремленій въ людяхъ, въ возвращеніи ихъ съ пути порока на путь добродѣтели, въ нравственномъ ободреніи и утѣшеніи скорбящихъ и падающихъ духомъ, въ сообщеніи полезныхъ знаній людямъ, въ возбужденіи расположенія къ жизни, свободной отъ прихотливой роскоши и отъ уродливыхъ и вредныхъ привычекъ и потребностей, въ посильномъ ходатайствѣ предъ власть имѣющими за всѣхъ обездоленныхъ, въ огражденіи ближнихъ отъ всякой хищнической эксплоатаціи, откуда бы она ни исходила, въ борьбѣ съ неправдою и злоупотребленіями въ государственно-общественной жизни и т. под. Искренно любя ближнихъ, человѣкъ не только не станетъ отвергать законность и денежной помощи истинно-нуждающимся, но первый поспѣшитъ съ нею, будучи готовъ, въ видахъ наиболѣе полной помощи наприм. голодающимъ крестьянамъ, отказаться не только отъ разныхъ увеселительныхъ зрѣлищъ и отъ деньгами-же оплачиваемыхъ другихъ развлеченій, отъ изысканнаго стола, отъ дорогихъ костюмовъ и эффектной домашней обстановки, но даже и отъ многаго, считающагося необходимымъ при благопріятномъ теченіи народной экономической жизни. Считать деньги зломъ не придетъ и на мысль христіанину, истинно-любящему людей. Можно злоупотреблять деньгами, какъ и всѣмъ на свѣтѣ, но сами по себѣ онѣ— добро, поскольку наприм. лишь съ помощью ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ можно облегчить тяжелое и горькое положеніе ближнихъ. Оказывая денежную помощь, человѣкъ, истинно-любящій людей, можетъ быть озабоченъ только тѣмъ, чтобы она дѣйствительно послужила во благо нуждающимся и не расположила ихъ всегда разсчитывать болѣе всего на чужую помощь. Деньгами, между прочимъ, помогалъ нуждающимся самъ Богочеловѣкъ, и христіанину лишь остается разумно слѣдовать урокамъ и примѣру своего Спасителя [1]).

[1]) Іоан. 13, 29.

Наконецъ, не только несогласно съ христіанской любовью къ людямъ, но и само по себѣ странно требованіе, чтобы человѣкъ водворялъ единеніе и миръ между животными просвѣщеніемъ ихъ и жертвами въ пользу ихъ. О какомъ просвѣщеніи животныхъ можетъ быть рѣчь, когда они, какъ лишенные „разумнаго сознанія“, совершенно неспособны внимать какимъ-нибудь наставленіямъ? Съ другой стороны. никакія наставленія не могутъ превратить отъ природы хищнаго животнаго въ неплотоядное. Да и не самъ-ли гр. Толстой говоритъ, что наприм. волкъ, терзая овцу, дѣлаетъ лишь *должное* [1]) и что впечатлѣніе наше при видѣ страданій животнаго есть болѣе наше, чѣмъ ихъ страданіе [2])? А если такъ, то намъ и не зачѣмъ нарушать существующіе среди животныхъ порядки. Требовать-же отъ людей, чтобы они, при нападеніи на нихъ какихъ-нибудь хищныхъ животныхъ, жертвовали имъ собою, представляется крайне нечеловѣколюбивымъ. Между тѣмъ, гр. Толстой этого требуетъ, хотя и замаскировываетъ свою рѣчь туманными фразами о грѣхѣ, покаяніи и прочемъ [3]). Это-то свое странное воззрѣніе на отношеніе человѣка къ животнымъ онъ оправдываетъ даже ссылкою на пророчество Исаіи. Конечно, слова этого Пророка никоимъ образомъ не подтверждаютъ столь страннаго воззрѣнія и даже не имѣютъ никакого отношенія къ нему.

Во-первыхъ, Пророкъ, говоря о томъ, что нѣкогда волкъ будетъ жить съ ягненкомъ, барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ и т. под. [4]), изображаетъ положеніе вещей въ мірѣ, долженствующее наступить не вслѣдствіе усилія и вліянія со стороны людей, а вслѣдствіе того, что́ совершится для человѣчества и

---

[1]) Стран. 68 въ 31 т. *Собранія сочиненій.*

[2]) Ibid. стран. 78.

[3]) Ibid. стран. 71.

[4]) Гл. 11, ст. 6—8 въ книгѣ пророка Исаіи.

для міра Мессіею — вочеловѣчившимся единороднымъ Сыномъ Божіимъ. Это ясно видно изъ перваго и дальнѣйшихъ стиховъ 11-й же главы книги этого Пророка, содержащей предсказаніе касательно пришествія Мессіи и наступленія всеобщей тишины и мира во вселенной [1]). Такое воцареніе всеобщей тишины и мира во вселенной наступитъ, по пророчеству Исаіи, уже послѣ преобразованія и обновленія міра, именно тогда, когда, по словамъ св. апостола Петра, будутъ новыми небо и земля и воцарится на нихъ правда [2]). Что дѣйствительно это говоритъ прор. Исаія, видно изъ его же словъ о сперва имѣющемъ быть нѣкогда пораженіи земли и объ убіеніи одного нечестивца, подъ которымъ, очевидно, разумѣется антихристъ [3]). Что въ мірѣ до его преобразованія и обновленія нельзя ожидать всеобщаго мира и единенія, объ этомъ не разъ говорилъ самъ І. Христосъ [4]). Во-вторыхъ, все, сказанное у прор. Исаіи касательно животныхъ и отношеній между ними, нужно признать не болѣе, какъ аллегорическимъ или картиннымъ выраженіемъ мысли объ иномъ предметѣ, а не о животныхъ собственно. Пророкъ хотѣлъ сказать и говоритъ только то, что, съ окончательнымъ наступленіемъ и водвореніемъ царства Божія на землѣ, на ней не будетъ мѣста ни для какой борьбы и ни для какого раздора между людьми и что самая природа, среди коей будутъ жить люди, конечно, съ воскресшими и съ обновившимися тѣлами, станетъ *какою-то иною*, вполнѣ гармонирующею съ состояніемъ людей. За такое пониманіе пророческихъ словъ Исаіи ручается не только существо дѣла, не могшее открыться ему во всемъ своемъ подлинномъ видѣ, какъ и всякое отдаленное таинственное будущее, но и смыслъ сказан-

---

[1]) Ibid. ст. 1 и др.

[2]) 2 посл. 3 гл. ст. 13.

[3]) Ис. 11, 4. 2 Ѳессал. 2, 8 и др.

[4]) Лук. 11, 8—27 и друг. мѣста.

наго имъ о животныхъ. Если, по ученію І. Христа, въ иномъ мірѣ и люди живутъ, какъ ангелы, не вступая въ бракъ и не размножаясь [1]), то о какихъ-же ягнятахъ, козлятахъ, медвѣжатахъ и о тому подобныхъ молодыхъ животныхъ, равно о какой же соломѣ, какъ кормѣ для львовъ и воловъ, можетъ быть рѣчь по отношенію къ порядку вещей, имѣющему наступить съ преобразованіемъ и обновленіемъ міра? Очевидно, слова прор. Исаіи ни въ какомъ случаѣ нельзя понимать буквально, а слѣдов. тѣмъ болѣе никакъ не слѣдуетъ опираться на нихъ для доказательства мысли, противной духу и буквѣ Богооткровеннаго ученія о человѣкѣ и объ его отношеніи къ животнымъ....

Всесторонне разсмотрѣно мною ученіе мнимыхъ альтруистовъ объ обязанности человѣка вообще *любить другихъ больше, чѣмъ себя, и жить не для себя, а для другихъ*, равно какъ и вытекающее изъ этого ученія правило: *никому не вреди и всѣмъ, сколько можешь, помогай*. Показаны какъ самопротиворѣчіе и несостоятельность всего этого, такъ и рѣшительное несогласіе въ особенности съ требованіями христіанской любви къ ближнимъ. Теперь естественно перейти къ критическому обсужденію тѣхъ раціональныхъ соображеній, коими мнимые альтруисты разсчитываютъ доказать незаконность и вредъ предпочтительной любви къ нѣкоторымъ существамъ и предметамъ и надѣются бросить невыгодную тѣнь на христіанское ученіе о необходимости и высокомъ достоинствѣ предпочтительной любви къ тому, къ кому и къ чему слѣдуетъ питать ее.

Напрасно утверждаютъ, будтобы *всякая* предпочтительная любовь вызывается эгоизмомъ и преслѣдуетъ чисто-эгоистическія цѣли. Изъ какого-же эгоизма проистекаетъ наприм. наша любовь къ Богу? Напротивъ, именно эгоисты-то и не способны къ ней, такъ какъ она предполагаетъ отреченіе отъ всего эгоистическаго, вызываетъ на подвиги самоотверженія и вообще пред-

[1]) Лук. 20, 35.

полагаетъ въ человѣкѣ полную преданность волѣ Божіей и охотное слѣдованіе всѣмъ ея требованіямъ.

Если же эгоизмъ видѣть въ томъ, что, любя Бога, мы въ Немъ видимъ источникъ нашего блага въ здѣшней и загробной жизни и въ общеніи съ Нимъ находимъ облегченіе и утѣшеніе среди скорбей и бѣдствій нашей настоящей жизни, то это значитъ какъ-бы нарочито забывать истинную природу и подлинныя свойства эгоизма. Послѣдній внушаетъ человѣку искать во всемъ прежде всего наслажденій ради нихъ самихъ, не разбираетъ нравственнаго достоинства ихъ и все въ мірѣ разсматриваетъ лишь какъ средство для ихъ достиженія. Но развѣ таково настроеніе человѣка, который искренно и горячо любитъ Бога? Высочайшее Существо является предметомъ предпочтительной любви для человѣка прежде всего ради Его абсолютнаго совершенства. Кто видитъ и цѣнитъ въ Богѣ лишь средство и условіе своего благоденствія, тотъ въ сущности не любитъ Его. Съ другой стороны. эгоизмъ состоитъ еще не въ томъ, что человѣкъ ищетъ блага для себя, а въ томъ, что онъ въ оцѣнкѣ и въ опредѣленіи блага руководствуется личными прихотями и вожделѣніями, не подчиняясь указаніямъ религіи и нравственности. Христіанинъ, видящій источникъ своего блага въ Богѣ и въ живомъ общеніи съ Нимъ. всецѣло отрекается отъ такого эгоистическаго пониманія и исканія блага. Если же эгоистическое усматривать во всемъ, что́ исходитъ отъ человѣческой личности и ищется ею, какъ это дѣлаютъ мнимые альструисты, тогда исчезнетъ *всякое* различіе между эгоистическимъ и не эгоистическимъ. Тогда для устраненія мнимаго эгоизма или нужно желать исчезновенія человѣческихъ личностей, или признавать ихъ обязанными видѣть для себя благо даже въ томъ, что́ не только противно требованіямъ истины и добра, но и вообще представляетъ собою радикальную противоположность со всякимъ благомъ человѣка. Но коль скоро это нелѣпо, то неизбѣжно приходится признать нисколько не эгоистичнымъ стремленіе человѣка

больше всего любить Бога и видѣть въ Немъ источникъ всякаго своего истиннаго блага.

Затѣмъ, что̀ эгоистическаго можно открыть въ томъ, что наше сердце невольно больше влечется наприм. къ св. Филиппу, митрополиту московскому, энергически и самоотверженно боровшемуся съ хищническими и кровожадными инстинктами и стремленіями нравственно испорченныхъ людей, чѣмъ къ преслѣдовавшимъ и умертвившимъ его опричникамъ? Какимъ эгоизмомъ, далѣе, проникнутъ наприм. писатель, предпочтительно любящій литературную дѣятельность, но поставившій задачею ея бороться съ вредными направленіями мысли въ своемъ отечествѣ, энергически отстаивать христіанскія религіозно-нравственныя начала, бороться со всѣми проявленіями эгоизма въ разныхъ сферахъ общественной жизнедѣятельности, поддерживать всякое доброе частное и общественное начинаніе, будить въ сердцахъ людей любовь и участіе ко всѣмъ бѣдствующимъ и страдающимъ и т. под., не смотря на то, что одни публично смѣются и издѣваются надъ нимъ, а другіе всячески интригуютъ противъ него и чернятъ его [1])? Можно-ли назвать эгоистомъ того государственнаго мужа, который, обладая самыми скромными личными потребностями и негоняясь ни за какими лаврами, кромѣ наилучшаго выполненія своего долга, весь поглощенъ заботами о томъ и любовью къ тому, чтобы водворять повсюду начала правды и добра, подавлять все противное имъ, укрѣпить въ обществѣ и народѣ уваженіе къ требованіямъ религіи и нравственности, идти на встрѣчу всякой народной нуждѣ и обезпечить общее благосостояніе даже на случаи неожиданныхъ бѣдствій и катастрофъ? Если въ предпочтительной любви ко всему этому и въ вытекающей изъ ней дѣятельности видѣть эгоизмъ, тогда придѣтся считать не эгоизмомъ

---

[1]) Такіе писатели, — слава Богу, — прежде бывали у насъ и теперь есть. Да поможетъ имъ Богъ въ ихъ плодотворной дѣятельности!

совершенно противоположное сердечное настроеніе и проистекающій изъ него образъ дѣйствій.

Точно также напрасно видѣть эгоизмъ во *всякой* предпочтительной любви къ родителямъ, къ женѣ или мужу, къ дѣтямъ, вообще къ кровнымъ родственникамъ, къ друзьямъ, къ соотечественникамъ и т. д. Предпочтительная любовь къ такимъ лицамъ была-бы только въ томъ случаѣ эгоистическою, еслибы мы видѣли и цѣнили въ нихъ не болѣе, какъ средство къ нашему теперешнему или будущему благополучію. Но такая любовь есть любовь не къ этимъ лицамъ, а къ намъ самимъ. Зачѣмъ-же брать во вниманіе только такую фальшивую любовь къ родителямъ, къ женѣ или къ мужу, къ дѣтямъ и т. д.? Между тѣмъ, у гр. Толстаго всѣ отрицаніе предпочтительной любви къ нимъ построено на уродливыхъ ея проявленіяхъ. Дѣйствительная любовь, преимущественно останавливающаяся на комъ-нибудь изъ людей, не только въ настоящемъ не ищетъ удовлетворенія спеціально-эгоистическихъ вожделѣній личности со стороны любимыхъ лицъ, но и когда бы то ни было не ждетъ ихъ для себя. Напротивъ, предпочтительно любящій родителей, жену, дѣтей и тому подобныхъ лицъ самъ готовъ ради нихъ нести всякія нравственно-допустимыя жертвы и дѣлать всѣ разумно-пріятное и полезное имъ. Возьмите хотя бы мать, дѣйствительно любящую своего сына или свою дочь. На какія жертвы и лишенія она бываетъ способна, лишь-бы дѣти ея были благополучны и счастливы! О себѣ самой она какъ-бы забываетъ. Она уже почтенная старушка, и дни ея сочтены. Лично ей уже не придется сколько-нибудь пожать плоды ея самоотверженныхъ трудовъ и заботъ. Но она продолжаетъ также, если не больше прежняго, заботиться о своихъ дѣтищахъ, надламывая послѣднія силы и ускоряя для себя приближеніе смертнаго часа. Не странно-ли же утверждать, будтобы любящій, если и забываетъ ближайшіе интересы своей личности ради любимаго лица, то дѣлаетъ это въ отдаленныхъ интересахъ своего-же

блага? Не эгоистическіе мотивы движутъ указанной матерью, а ея искренняя любовь къ дѣтямъ и сознаніе возложеннаго на нее Богомъ материнскаго долга. Тоже самое нужно сказать о сыновней или дочеринской дѣйствительной любви къ родителямъ. Нравственно развитые сынъ или дочь любятъ своихъ отца и мать отнюдь не постольку, поскольку личное ихъ благо обезпечивается родителями въ настоящемъ и будущемъ. Христіански любящіе родителей сынъ или дочь развѣ не обнаруживаютъ часто того, какъ они охотно готовы отказаться отъ какого-нибудь личнаго блага, лишь бы не огорчить своихъ родителей и не доставить имъ безпокойства и излишнихъ трудовъ, или какъ способны они съ кротостью и терпѣніемъ, безъ умаленія любви, переносить какіе-либо недостатки своихъ родителей, на коихъ не удалось подѣйствовать никакими любовными просьбами и мольбами?

Словомъ: предпочтительная христіанская любовь къ кому-нибудь, если она достойна своего имени, отнюдь не зиждется на эгоизмѣ, его стремленіяхъ и цѣляхъ. Напротивъ, истинно любя кого-нибудь предпочтительной любовью, мы отрѣшаемся отъ эгоизма и становимся способными предпочитать любимое существо и его настоящее благо своему собственному благу, если послѣднее дѣйствительно эгоистично. Само собою разумѣется, рѣшительно нельзя упрекать предпочтительную любовь и къ родственникамъ въ эгоизмѣ на томъ основаніи, что она можетъ доставлять и нерѣдко доставляетъ радости и наслажденія. Вѣдь всякая любовь къ кому угодно изъ людей можетъ доставлять и часто доставляетъ радости же и наслажденія. Остается, значитъ, никого не любить, чтобы не испытывать радостей и наслажденій изъ-за любви. Къ отрицанію всякой любви и ведетъ неизбѣжно мысль гр. Толстаго, будтобы гдѣ есть наслажденіе, тамъ нѣтъ мѣста для любви.

Что же касается до той мысли, что предпочтительная любовь бываетъ сопряжена съ нѣкоторыми страданіями для любящихъ и любимыхъ, то и она отнюдь

не можетъ служить основаніемъ для отрицанія таковой любви. Прежде всего наше вниманіе останавливается, если можно такъ выразиться, на настойчивой придирчивости гр. Толстаго къ предпочтительной любви: негодится она потому, что доставляетъ наслажденія; негодится и потому, что сопряжена съ огорченіями. Но развѣ соединена съ этими послѣдними только предпочтительная любовь? Огорченій не знаетъ лишь полное равнодушіе къ людямъ. Сущность дѣла, значитъ, вовсе —не въ томъ, что любящіе и любимые терпятъ нѣкоторыя страданія, а въ самомъ характерѣ этихъ страданій и въ вызывающихъ ихъ причинахъ. Если любящій мучитъ себя и любимыхъ наприм. подозрѣніями, излишней требовательностью и придирчивостью, это свидѣтельствуетъ только о томъ, что онъ чуждъ истинно-христіанской любви, которая не допускаетъ неосновательныхъ подозрѣній, разумна въ своихъ требованіяхъ и терпѣлива. Напротивъ, если любящій, видя невозможность облегчить серьезное горе любимыхъ лицъ, страдаетъ отъ этого, то это страданіе почтенно, поскольку не переходитъ въ отчаяніе и не заставляетъ складывать руки въ безнадежности. Если любимое лицо лежитъ на одрѣ болѣзни и затѣмъ умираетъ, то почтенна умѣренная скорбь любящаго. Впрочемъ, для истиннаго христіанина, вѣрующаго въ царящую въ мірѣ премудрую и милосердную волю Божію, самыя сильныя страданія и самыя жгучія скорби, обусловленныя и родственными связями и отношеніями, смягчаются и облегчаются....

Далѣе, нельзя отвергать предпочтительной любви къ извѣстнымъ лицамъ на томъ основаніи, будтобы изъза ней мы неизбѣжно забываемъ остальныхъ людей и вынуждаемся всячески эксплоатировать ихъ въ пользу любимыхъ нами. Конечно, такія уродливыя проявленія этой любви не только возможны, но и нерѣдко наблюдаются въ жизни. Но та предпочтительная любовь къ извѣстнымъ лицамъ, которая возводитъ ихъ на степень какихъ-то божествъ и побуждаетъ приносить въ жертву

имъ благо окружающихъ, недостойна человѣка вообще, а тѣмъ болѣе христіанина. Для послѣдняго и не мыслима такая абсолютная любовь *ни къ кому* изъ людей и ни къ *одному* предмету въ мірѣ, кромѣ истины и добра. Только Бога, воплощеніе истины и добра, онъ любитъ больше всего въ мірѣ. Если онъ любитъ особенной любовью родственниковъ, соотечественниковъ и т. д., то никогда не рѣшится приносить имъ въ жертву благо другихъ. Любовь къ Богу, неизбѣжно связанная съ готовностью постоянно исполнять Его святую волю, всегда удержитъ христіанина отъ такого поступка. Даже при весьма ограниченномъ матеріальномъ довольствѣ родители. дѣти, супруги, товарищи, соотечественники, единовѣрцы не только не станутъ эксплоатировать и обирать другихъ въ пользу своихъ близкихъ, но и готовы дѣлиться съ менѣе близкими, но нуждающимися людьми собственнымъ достояніемъ. Особенное попеченіе о близкихъ лицахъ отнюдь не снимаетъ съ христіанина важной обязанности всевозможно служить благу не близкихъ. Какъ бы ни было безвыходно положеніе наприм. родителей, видящихъ собственныхъ дѣтей голодными и раздѣтыми, они тѣмъ болѣе никогда не рѣшатся какъ-либо отобрать принадлежащее другимъ. Они могутъ только просить о помощи. Если же она не приходитъ, христіански настроенные родители рѣшатся примириться скорѣе со смертью своихъ дѣтей, чѣмъ хищнически покуситься на чужое достояніе.

Но развѣ не заставляетъ,—говоритъ гр. Толстой,—родительская любовь отказывать голоднымъ и раздѣтымъ постороннимъ лицамъ въ кускѣ хлѣба и въ платьѣ, крайне нужныхъ для ихъ собственныхъ дѣтей, а слѣдов. развѣ не ведетъ за собою безсердечнаго отношенія къ чужой горькой нуждѣ? Такіе случаи,—замѣчу,—весьма рѣдки, и они дѣйствительно представляютъ поводъ къ коллизіямъ между обязанностями къ дѣтямъ и къ безпомощнымъ ближнимъ. Самый выходъ изъ подобныхъ

затрудненій, указываемый гр. Толстымъ. говоритъ скорѣе въ пользу, чѣмъ противъ предпочтительной любви. По его словамъ выходитъ, что родители должны отдать постороннимъ лицамъ послѣдній кусокъ хлѣба и послѣднее платье, хотябы и убѣждены были, что такой поступокъ грозитъ опасностью для жизни ихъ собственныхъ дѣтей. Спрашивается: если мы должны любить всѣхъ людей одинаково, то за чѣмъ-же въ данномъ случаѣ оказывать явное и важное предпочтеніе чужимъ нуждающимся людямъ? Такое предпочтеніе должно же быть чѣмъ-нибудь мотивировано. Чѣмъ-же, однако, ему мотивироваться, кромѣ жалости? Значитъ, отнимая послѣдній кусокъ хлѣба и послѣднее платье у собственныхъ дѣтей, можемъ дѣлать это лишь въ силу наибольшей жалости къ другимъ. Одинаковая жалость требуетъ раздѣлить кусокъ на двѣ доли и бросить жребій касательно платья. Какъ видимъ, въ теоріи отрицая предпочтительную любовь, въ практическихъ совѣтахъ людямъ гр. Толстой допускаетъ ее въ видѣ наибольшей жалости къ однимъ лицамъ. Но такъ какъ въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о томъ, какъ должны поступить родители, а не посторонній совѣтчикъ, для коего всѣ—чужіе, то у родителей не можетъ не быть наибольшей жалости къ собственнымъ дѣтямъ. Поэтому, если они и нерѣшатся оставить для своихъ дѣтей послѣдній кусокъ хлѣба и послѣднее платье, то во всякомъ случаѣ обратятся къ *совѣсти* постороннихъ просителей и предоставятъ ей рѣшить, отбирать или неотбирать у злополучныхъ дѣтей послѣдній кусокъ хлѣба и послѣднее платье? Нѣтъ сомнѣнія, что совѣсть просителей рѣшитъ дѣло въ пользу дѣтей и побудитъ ихъ обратиться къ другимъ за помощью.

Наконецъ, нельзя отвергать законность предпочтительной любви къ нѣкоторымъ людямъ на томъ основаніи, что люди, не будучи богами, способны ошибаться въ выборѣ предметовъ ея. Но развѣ требуется быть божествомъ, чтобы знать, что наши родители, жена,

дѣти, другіе кровные родственники и тому подобныя лица должны быть особенно любимы нами? Не зависимо отъ воли Божіей, требующей отъ насъ особенной любви къ такимъ лицамъ, самое сердце наше, если мы нравственно неиспорчены, невольно влечется къ нимъ съ особенной силою. Развѣ нужно быть божествомъ для того, чтобы питать особое сердечное расположеніе къ главѣ-ли государства, отечески пекущемуся о своихъ подданныхъ, къ соотечественникамъ-ли нашимъ, къ единовѣрцамъ, къ бывшимъ нашимъ наставникамъ, искренно заботившимся о развитіи въ насъ любви ко всему доброму и благородному, къ разнымъ нашимъ благодѣтелямъ, приходившимъ къ намъ на помощь въ тяжелые и скорбные дни нашей жизни, къ начальникамъ нашимъ по службѣ, цѣнящимъ нашъ посильный трудъ на пользу общую и поддерживающимъ въ насъ любовь и энергію къ нему, къ товарищамъ, стоящимъ съ нами у одного и того же дѣла и заботливо относящимся къ нему, или къ другимъ подобнымъ лицамъ? Развѣ нужно быть божествомъ для того, чтобы больше любить мучимаго невинно, чѣмъ мучителя, больше любить самоотверженнаго слугу и дѣятеля общественнаго, чѣмъ какого-нибудь паразита, больше любить пострадавшаго отъ злой интриги и клеветы, чѣмъ живущихъ ими, больше любить распространителей добра и истины, чѣмъ враговъ ихъ? Горячая любовь къ истинѣ, къ добру и ко всему благородному и совѣсть наша всегда намъ подскажутъ, кого нужно больше любить, и расположатъ самое сердце къ предпочтительной любви къ представителямъ и поборникамъ истины, добра и всего возвышеннаго, идеальнаго. Пусть люди иногда и ошибаются въ выборѣ предметовъ своей предпочтительной любви. Однако, возможность ошибокъ развѣ должна служить хотябы малѣйшимъ основаніемъ для отрицанія чего бы то ни было? Къ тому-же, въ случаяхъ, какіе имѣются въ виду, всегда возможна, а иногда прямо неизбѣжна, поправка сдѣланной ошибки....

Такимъ образомъ, предпочтительная любовь къ нѣкоторымъ лицамъ и предметамъ, взятая въ принципѣ, представляетъ собою совершенно естественное и похвальное явленіе. Но сказать это значитъ не сказать еще всего нужнаго. Отрицаніе предпочтительной любви неизбѣжно предполагаетъ или влечетъ за собою отрицаніе всякой любви къ кому бы и къ чему бы то нибыло. Отсутствіе въ человѣкѣ предпочтительной любви къ кому-либо и къ чему-нибудь есть вѣрный и неоспоримый показатель полнаго его индеферентизма или равнодушія ко всему и ко всѣмъ. Каждый согласится съ тѣмъ, что кто одинаково смотритъ наприм. на всѣ купанья, напитки, формы одежды, жилища, растенія и на тому подобные предметы, не отдавая ни *одному* изъ нихъ *никакого* предпочтенія, тотъ, очевидно, равнодушенъ ко всѣмъ имъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и касательно говорящаго, что онъ совершенно одинаково относится ко всѣмъ людямъ и не питаетъ какого-нибудь предпочтительнаго расположенія ни къ одному изъ нихъ. Очевидно, онъ совершенно равнодушенъ къ людямъ и вовсе не любитъ ихъ. Хотя люди имѣютъ и одинаковую природу, но не всѣ одинаково доступны намъ, не всѣ производятъ одинаковое впечатлѣніе на насъ, не всѣ одинаковы по своимъ нравственнымъ и другимъ качествамъ, не всѣ связаны съ нами одинаковыми кровными узами, не всѣ одинаково служатъ нашему духовному благу, не всѣ находятся въ одинаковомъ положеніи и состояніи. Отсюда сами собою и неизбѣжно возникаютъ разныя степени нашей любви къ нимъ. Съ другой стороны, каждому изъ насъ свойственны не только разумъ и чувство справедливости, но и другія влеченія и требованія нашей природы. Каждый изъ насъ есть особая личность съ ей только свойственными запросами и требованіями. Подъ вліяніемъ требованій разума, чувства правды и другихъ сторонъ и качествъ общей всѣмъ людямъ и нашей индивидуальной природы мы, еслибы и хотѣли, никакъ не мо-

жемъ питать ко всѣмъ людямъ одинаковое сердечное расположеніе. Оно представляетъ собою психологически-невозможное явленіе. Одинаковая ко всѣмъ любовь есть дѣйствительно отсутствіе всякой любви къ людямъ, полное къ нимъ равнодушіе. А изъ этого слѣдуетъ, что гр. Толстой, проповѣдуя одинаковую любовь ко всѣмъ людямъ, и этимъ, какъ и всѣмъ другимъ, о чемъ я говорилъ выше, свидѣтельствуетъ, что съ общей его точки зрѣнія любовь къ людямъ представляется и ненужной, и невозможною.

В) Коль скоро выяснилось, что вообще мнимые альтруисты и въ частности гр. Толстой, сколько ни толкуютъ о любви къ людямъ, на самомъ дѣлѣ не могутъ проповѣдывать и не проповѣдуютъ ея, то напрасно было-бы ожидать, что они въ состояніи предложить и предлагаютъ какіе-нибудь безкорыстные и вообще возвышенные мотивы для человѣческой дѣятельности. Сколько ни повторяетъ въ особенности гр. Толстой, что его ученіе внушаетъ людямъ безкорыстныя и даже самоотверженныя дѣйствія въ пользу разныхъ существъ, на самомъ дѣлѣ ни о какихъ безкорыстныхъ и самоотверженныхъ дѣйствіяхъ не можетъ быть рѣчи съ точки зрѣнія мнимыхъ альтруистовъ.

Любовь, говоритъ нашъ отечественный писатель, всегда есть жертва или неизбѣжно ведетъ къ самопожертвованію. Что въ весьма нерѣдкихъ случаяхъ любовь къ кому-нибудь изъ людей или къ какому-нибудь серьезному занятію требуетъ отъ человѣка жертвы, самоотверженія, это несомнѣнно. Но о какой-же жертвѣ, о какомъ самопожертвованіи позволительно говорить, когда человѣкъ смотритъ на свою личность и на свою личную жизнь, какъ на зло, тщету и ничтожество, и когда не долженъ признавать что-либо принадлежащимъ или могущимъ принадлежать ему по праву, какъ наприм. какое-нибудь имущество, уваженіе къ собственному достоинству, семейная жизнь и прочее? Жертвовать мы можемъ только тѣмъ, что̀ цѣнно въ нашихъ глазахъ и

чѣмъ по всей справедливости мы обладаемъ или можемъ обладать. Если же всѣ вещи въ моихъ глазахъ ничтожны, если я не только неимѣю ничего, но и немогу имѣть по какому-либо праву, если считаю самую личность свою за зло и ничтожество, то странно и ожидать отъ меня какой-нибудь жертвы въ чью бы то ни было пользу. Вѣдь смѣшно было-бы называть жертвою съ нашей стороны, если мы одаряемъ кого-нибудь ни на что ненужной разбитой посудою, совсѣмъ истрепавшейся обувью, сломавшимся стальнымъ перомъ, вообще какакой-нибудь лично для насъ обременительною вещью, или вручаемъ кому-нибудь и хорошее само по себѣ платье, но намъ напринадлежащее и недолженствующее принадлежать. Такъ точно странно называть жертвою и все, что́ ни дѣлалъ-бы для другихъ человѣкъ, всецѣло раздѣляющій воззрѣнія гр. Толстаго и его руководителей. То, что они называютъ жертвою, на самомъ дѣлѣ есть отдача другимъ предметовъ, ничтожныхъ на нашъ взглядъ и даже вредныхъ для насъ. Это—не жертва, а эгоистическое глумленіе надъ ближнимъ. Настоящая жертва возможна лишь со стороны христіанина, искренно любящаго своихъ ближнихъ. Отдаетъ-ли онъ истинно-нуждающимся ближнимъ своимъ бо́льшую часть своего достоянія или все, смотря по мѣрѣ нужды бѣдствующаго, онъ отдаетъ то, чѣмъ владѣлъ по справедливости и что́ считаетъ однимъ изъ относительныхъ благъ своей жизни. Это—дѣйствительно жертва. Отказываетъ-ли онъ себѣ въ семейной жизни въ силу особенныхъ условій служенія своего Богу и благу ближнихъ, онъ тоже поступаетъ самоотверженно и приноситъ неоспоримую жертву, если при этомъ руководствуется идеею долга и воодушевленъ любовью къ Богу и людямъ. Семейная жизнь съ его точки зрѣнія есть одно изъ благъ, и онъ, подобно другимъ людямъ, имѣетъ свои права на нее. Отреченіе отъ ней, внушенное идеальными мотивами, развѣ можетъ быть разсматриваемо, не какъ жертва? Полагаетъ-ли чело-

вѣкъ свою жизнь за родной народъ, оставляя сиротствующими свою жену и своихъ дѣтей, къ коимъ питалъ особенную любовь, онъ тоже принесъ несомнѣнную жертву, ибо жизнь считалъ благомъ и въ особенной любви къ женѣ и дѣтямъ видѣлъ и право свое, и источникъ особыхъ радостей для себя. Но не странно-ли называть жертвою отказъ наприм. отъ семейной жизни со стороны появившихся и въ Вышнемъ Волочкѣ послѣдователей гр. Толстаго, образовавшихъ особую колонію безбрачниковъ въ силу взгляда своего на бракъ, какъ на нечистое и вредное дѣло [1])?! Такимъ образомъ, уже изъ взгляда мнимыхъ альтруистовъ на человѣческую личность и ея права ясно видна невозможность безкорыстныхъ мотивовъ и самоотверженныхъ дѣйствій.

Если же обратимся къ тому, что́ выставляется мнимыми альтруистами въ качествѣ особыхъ побужденій, долженствующихъ заставлять однихъ людей служить другимъ и жить для нихъ, а не для себя, то передъ нами выступитъ самый послѣдовательный и отталкивающій эгоизмъ, какъ коренной и единственный мотивъ человѣческой дѣятельности. Человѣкъ, говорятъ, сколько бы ни добивался блага для своей личности, неизбѣжно обреченъ на одни страданія и бѣдствія. Между тѣмъ, забота о своемъ счастіи есть самое важное и святое для человѣка дѣло, важнѣе и святѣе коего *ничего*, будтобы, нѣтъ. Какъ-же быть человѣку? Онъ разсчитываетъ и взвѣшиваетъ, какъ ему выгоднѣе поступать, какимъ путемъ скорѣе и надежнѣе можно добиться счастія, и приходитъ къ слѣдующему заключенію. Если я буду жить для другихъ и всѣ будутъ жить другъ для друга, говоритъ онъ себѣ, тогда вполнѣ обезпечивается мое спокойствіе и животное продовольствіе, равно какъ оно обезпечится и для другихъ. Вотъ истинный мотивъ, долженствующій двигать

---

[1]) См. № 255 *Московск. Вѣдомостей* за 1891 г. Ср. сообщаемое въ 41 № *Руководства для сельскихъ пастырей* за 1891 г.

волею послѣдователя мнимыхъ альтруистовъ! Еслибы, значитъ, человѣкъ могъ достигнуть и достигалъ личнаго счастія и безъ служенія другимъ, то ему не должно-бы быть *никакого* дѣла до ближнихъ и ихъ блага. Такой мотивъ развѣ не есть самый эгоистическій мотивъ, способный возмущать всякое здоровое нравственное чувство? Здѣсь добрыя благожелательныя отношенія къ людямъ сами по себѣ не имѣютъ *никакого* значенія. Безконечно далекъ отъ такого эгоизма и безусловно осуждаетъ его христіанскій взглядъ на побужденія, долженствующія заставлять человѣка служить благу его ближнихъ. Христіанинъ совершаетъ подвиги самопожертвованія въ пользу ближнихъ потому, что это—его святой долгъ, возложенный на него самимъ Богомъ, и что сердце его тяготѣетъ къ тѣмъ, коихъ любитъ самъ Богъ. Пусть чрезъ самопожертвованіе въ пользу ближнихъ всячески ухудшится положеніе христіанина въ матеріальномъ-ли, или въ соціальномъ, отношеніи, это не можетъ ослаблять въ немъ стремленія къ дальнѣйшей дѣятельности ради блага ближнихъ. Для христіанина важно только то, чтобы имъ была исполнена воля Владыки вселенной и чтобы было удовлетворено требованіе беззавѣтно любящаго сердца его.

Но эгоизмъ мотивовъ, движущихъ волею человѣка согласно ученію мнимыхъ альтруистовъ, состоитъ не въ томъ только, что человѣкъ находитъ для себя наиболѣе выгоднымъ служеніе другимъ, а не обязательнымъ или требующимся любовью къ нимъ.

Весь чудовищный эгоизмъ мнимой любви къ людямъ въ ученіи гр. Толстаго и его руководителей высказывается въ томъ, что мнимо-самоотверженная дѣятельность нашего *я*, по ихъ взгляду, направлена въ сущности не на другія какія-либо существа, а на него-же самаго, на это-же наше *я*. Другіе индивидуумы—неболѣе, какъ призраки, существованіе коихъ обусловлено идеею пространства и времени, которой въ дѣйствительности ничто не соотвѣтствуетъ. Существую *я*

одинъ, а слѣдов. и страдаю *я*-же одинъ. Все, что́ я дѣлаю для облегченія и устраненія страданій ближняго, дѣлаю въ сущности для себя самого. Вотъ собственно почему ни гнѣваться, ни судиться, ни клясться, ни употреблять насилія, ни жениться нельзя. Съ какой стати и возможно-ли гнѣваться на себя-же, съ самимъ собою судиться, передъ собою клясться, противъ себя употреблять насиліе или воевать съ собою, жениться на самомъ себѣ? Съ другой стороны, какъ-же всецѣло не служить себѣ самому преимущественно земледѣльческимъ и вообще ручнымъ трудомъ? Такъ какъ базисомъ всего въ насъ является, будтобы, наша животная природа, по ученію Шопенгауэра и въ особенности гр. Толстаго, и такъ какъ наше счастье условливается, по ихъ взгляду, всяческимъ сокращеніемъ въ особенности духовныхъ нашихъ стремленій и потребностей, то животныя потребности и ихъ удовлетвореніе и поставлены выше всего. Возможенъ-ли еще болѣе грубый и пошлый эгоизмъ, чѣмъ съ какимъ встрѣчаемся въ ученіи мнимыхъ альтруистовъ о какой-то любви къ людямъ?

Фейербахъ говорилъ: *homo homini deus est.* Мнимые альтруисты пошли дальше Фейербаха: по ихъ ученію выходитъ, что человѣкъ самъ для себя есть единственное божество и что онъ призванъ служить только себѣ самому, жить только для себя самаго. Всё, что они говорятъ о любви къ другимъ существамъ и о самоотверженномъ служеніи имъ, есть чисто-оптическій обманъ, которому, однако, поддается значительная по числу умственная близорукость и нравственная нечуткость....

*
* *
*

Къ какому-же общему заключенію само собою приводитъ безпристрастное и всестороннее разсмотрѣніе ученія гр. Толстаго и его руководителей о любви къ

людямъ, ея основаніи и мотивахъ? Заключеніе это можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ. 1) Нашъ вліятельный писатель менѣе всего можетъ быть признанъ христіанскимъ нравоучителемъ и самобытнымъ мыслителемъ. Источникъ его ученія находится отнюдь не въ Евангеліи и даже не въ какихъ-либо сектантскихъ христіанскихъ ученіяхъ, усвоенныхъ имъ, но въ философскихъ міровоззрѣніяхъ Ог. Конта, Шопенгауэра и Гартмана, изъ которыхъ гр. Толстой всего раболѣпнѣе отнесся къ Шопенгауэру. 2) Объявляя „законъ любви“ исходящимъ отъ абсолютнаго начала всего сущаго, гр. Толстой такъ мыслитъ это абсолютное начало, что оно отнюдь не можетъ быть признано не только нравственнымъ законодателемъ, но и существующимъ въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, „законъ любви“ остается *неизвѣстно откуда взявшимся* и неимѣющимъ для людей *дѣйствительно-обязательнаго* значенія. 3) Что касается человѣка, призваннаго выполнять требованія „закона любви“, то въ ученіи мнимыхъ альтруистовъ не только отрицаются у людей свойства и способности, какъ наприм. свобода воли, дѣлающія ихъ способными жить нравственной жизнью и осуществлять предполагаемый ею нравственный идеалъ, но не признается даже дѣйствительность существованія человѣческихъ личностей, какъ отдѣльныхъ другъ отъ друга и до извѣстной степени самостоятельныхъ существъ. Поэтому, оказывается, что *некому* и выполнять требованія „закона любви“. 4) Какъ выставляемый мнимыми альтруистами принципъ: *люби другихъ больше, чѣмъ себя, и живи не для себя, а для другаго*, такъ и частнѣйшее ихъ требованіе: *никому не вреди и всѣмъ, сколько можешь, помогай*, своеобразно ими истолковываемое, прежде всего представляется противорѣчащимъ съ нѣкоторыми изъ основныхъ положеній въ ученіи мнимыхъ-же альтруистовъ, а за тѣмъ ведущимъ къ рѣшительному отрицанію а) не только понятія объ истинно-нравственной жизни человѣка вообще, но и б) хри-

стіанской любви къ ближнимъ и внушаемаго ею самоотверженнаго разумнаго служенія ихъ благу. Противное ученію Спасителя требованіе гр. Толстаго, чтобы человѣкъ никого и ничего не любилъ предпочтительной любовью, предполагаетъ и неизбѣжно ведетъ за собою отрицаніе всякой любви къ людямъ вообще и къ чему бы то ни было. 5) Побужденія, рекомендуемыя для человѣческой жизнедѣятельности мнимыми альтрустами, сводятся въ сущности къ грубой эгоистической заботливости человѣка *исключительно* о *самомъ себѣ*, а слѣдов. совершенно извращаютъ и убиваютъ истинно-нравственную жизнь человѣка.

Вотъ въ какомъ неприглядномъ и отталкивающемъ видѣ представляется всё то, что говорятъ мнимые альтруисты о любви къ людямъ, ея основаніи и мотивахъ! Прискорбный и возмутительный смыслъ ихъ ученія показываетъ, къ какимъ нелѣпостямъ можетъ и должна приходить мысль человѣческая, отшатнувшаяся отъ христіанскаго представленія о Богѣ и человѣкѣ и отъ христіанскаго ученія о нравственности и пытающаяся построить якобы лучшее, сравнительно съ нимъ, міровоззрѣніе. Вмѣсто лучшаго неизбѣжно получается одно изъ чудовищныхъ міровоззрѣній. Неужели такіе печальные опыты безъисходнаго блужданія человѣческой мысли въ безразсвѣтной тьмѣ недолжны служить кричащимъ предостереженіемъ для всѣхъ, кто хочетъ искать не въ христіанской религіи отвѣта на неотступные запросы своего ума и своей совѣсти? Пора почувствовать и понять, что какъ христіанское догматическое ученіе, такъ и *органически связанная съ нимъ* христіанская этика стоятъ безконечно выше всего, что измышлялъ и можетъ измыслить человѣческій разумъ, предоставленный самому себѣ [1]). Пора почувствовать и

[1]) О христіанскомъ нравоученіи именно такъ и высказался покойный К. Д. Кавелинъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ представителей нашего общества, нашедшій только въ ней должный отвѣтъ на запросы своей совѣсти (стран. 52 въ брошюрѣ: *Задачи этики*).

понять, что собственное наше благо требуетъ, чтобы мы возвратились изъ своихъ душевныхъ скитаній къ христіанству, какъ къ единственному средству утоленія скорби и мукъ души, истерзанной безплодными исканіями истины на разныхъ распутіяхъ. Не напрасно же сказалъ Спаситель о Себѣ, что только Онъ есть истина, путь и жизнь для человѣчества [1]). Великую нравственную энергію и ничѣмъ неомрачаемую радость обрѣлъ-бы каждый изъ отшатнувшихся отъ вѣры въ Богочеловѣка, еслибы всѣмъ существомъ своимъ созналъ и прочувствовалъ несомнѣнную истину, заключающуюся въ слѣдующихъ словахъ св. апостола Петра, обращенныхъ къ Спасителю міра: Господи! къ кому-же намъ идти? Вѣдь только Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни [2])!...

[illegible]
академіи

[1]) Іоан. 14, 6

[2]) Іоан. 6, 68.